

КАПИТАН АРСЕНЬЕВ

Повесть

1. ЛОМЖА

— Господа, идемте к Арсеньеву новую монстру посмотреть!

Трое молодых офицеров 14-го Олонецкого пехотного полка, в еще не обмятой, редко надеваемой выходной форме вне строя, освободившись в воскресный день от службы, решали, как провести время. Несмотря на то, что город Ломжа*, где стоял полк, был губернским, развлечений здесь было не так уж много: полковое собрание часто бывало занято старшими начальниками, попадаться на глаза которым молодежи лишний раз не хотелось, а окрестные помещики малознакомых молодых офицеров приглашали редко. Представления в единственном театре давали нечасто, и они повторялись. Было скучно. В приграничном городе заканчивалось строительство

мощной крепости с оборонительным поясом из пяти фортов. Отношения жителей 20-тысячного провинциального города на реке Нарев, менее половины населения которого составляли поляки, а большую часть — евреи, с русскими военными складывались неплохо. Императорская армия давала работу на строительстве и оснащении крепости жителям города со слабо развитой промышленностью, угасавшей из-за немецкой конкуренции. Портные, перчаточники, сапожники жили не столько заказами бедных местных панов и мещан, сколько пошивом форменной одежды для офицеров Олонецкого полка, среди которых, впрочем, было много поляков. Молодые офицеры еще не втянулись в гарнизонную рутину с карточной игрой и водкой, да и полковое

---

*Ломжа — небольшой, но древний город в Польше, в описываемое время входил в состав Российской империи.

начальство смотрело на такие занятия сурово...

– Сами знаете, господа, Арсеньев не прогонит, – просительно затянул молоденький, худой и белобрысый инженерный прапорщик Калиновский. – И чаю с колбасой напьемся...

Их товарищ, подпоручик Арсеньев, был старше и слыл слишком уж «службистом» даже для «почти гвардейского» полка со строгой дисциплиной. С начальством держался без гонора, но с достоинством, с нижними чинами дрался редко – для этого надо было вывести его из себя уж совсем оголтелой дерзостью и ленью. Инженерные работы солдаты его взвода выполняли в срок и с охоткой, чего редко удавалось добиться даже бывалым офицерам. Солдаты и фельдфебель были чисты, подтянуты, сыты и взводного уважали, впрочем, иное для Олонекского полка было редкостью и непорядком.

Владимир Клавдиевич Арсеньев, определившийся в полк в 1896 году прапорщиком, приняв взвод, быстро получил очередное звание, и говорили, что он водит близкое знакомство с командиром, полковником Федоровым. Арсеньев не чурался балов, торжеств в офицерском собрании, был доброжелателен в общении с товарищами, но всякий раз старался уйти пораньше, отправлялся к себе на квартиру, где занимался с книгами и своей коллекцией удивительных тварей. Он договорился с польской вдовой, в доме которой снимал три комнаты, оплатил полковому кузнецу стеклянные со свинцовыми швами ящики – террариумы, наложил в них камней, деревяшек, насыпал земли и населил пауками и удивительных цветов ящерицами, коих живыми выписывал с

далеких окраин империи. Большую часть своего свободного времени офицер читал и вел дневники, куда записывал повадки и поведение своих необычных питомцев. Хозяйка, заходя к постояльцу, при взгляде на них сначала норовила упасть в обморок и говорила, что он колдун. Но со временем вежливый подпоручик сумел возбудить в ней интерес к молчаливым обитателям прозрачных ящиков, словно у юной курсистки. Однако укладываясь спать, вдова, ревностная католичка, крестилась и просила святых, чтобы ночью «монстры» не выбрались из своих жилищ.

– Пржышли, ваше благородие, – постучав и приотворив дверь в комнату с террариумами, служившую Арсеньеву кабинетом, недовольным тоном сообщил денщик. – Опять пане офицеры. Встроєм...

Денщики набирались из солдат срочной службы – в пехоту призывали с 18 лет, в кавалерию – с 17-ти. Это были опрятные, грамотные и толковые нижние чины, что приводило в раздражение старшего фельдфебеля, заведовавшего полковой учебной командой, ведь именно такие рядовые были кандидатами в унтер-офицеры. Но при назначении в денщики принималось во внимание не самое крепкое здоровье, мягкость характера и другие обстоятельства, не подходящие для отправления должности унтера.

Казенный денщик избавлял офицера от необходимости нанимать прислугу. Несмотря на личное жалованье, квартирные, кормовые и иные выплаты, офицеру приходилось делать взносы в капитал взаимопомощи, в кассу полкового собрания и отдельно – на полковые праздничные обеды, на памятные подарки начальникам,

в старых, «почти гвардейских» полках хорошим тоном считалось вносить средства на «приварок» солдатам и в фонд госпиталя. Кавалеристы покупали сбрую и содержали своих лошадей, впрочем, жалованье их было больше. В результате некоторые младшие офицеры едва сводили концы с концами, и назначение рачительного денщика было для них большим подспорьем. Попасть к доброму холостому офицеру было мечтой многих солдат. Служба у семейного – была менее привлекательной, ибо приходилось выполнять задания и капризы еще и «женского начальства». Однако и в этом случае денщик добросовестно помогал по дому, по кухне, заменял няньку, качая колыбельку с барчонком или мастера деревянную лошадку, он вспоминал свое деревенское житье-бытье. Но выполнив обязанности на квартире, денщик должен был спешить в полк, чтобы похлебать щей и унести в котелке казенной каши для себя, а возможно, и для своего офицера. Есть «людскую» пищу, что вкушала штатская городская прислуга, считалось непростительной глупостью, ибо она была дорогой и, по армейским меркам, скудной. «Денщичья сила», как шутили офицеры, собиралась отдельно, и толковый денщик мог узнать новости о других офицерах и поддержать авторитет своего. Впрочем, болтали мало, ибо все сказанное могло попасть в офицерскую среду. Нужно было прочесть приказ по полку на завтра, узнать, куда назначен офицер – на дежурство, на стрельбы, в оцепление или на какое-либо торжество в город... Для каждого случая к утру, а порой и к первому часу ночи, должна быть готова соответствующая форма, заштопанное и выстиранное у

прачки белье. На выходе в поле, на маневры денщик следовал в обозе первого разряда вместе с запасной лошадью, палаткой, койкой и чемоданами с личными вещами своего офицера. В отношении доступа в квартиру посторонних, особенно штатских лиц, денщики бывали неумолимы. Но другим офицерам препятствовать не могли, а если заходил ротный командир, то невесть откуда просыпалась в денщике настоящая строевая молодцеватость и усердие.

Молодой солдат был доволен службой у «чудного» подпоручика Арсеньева, с увлечением ловил сачком жуков и кузнечиков для довольствия чудищ взводного, присматривал за ними и не обижал. Но душа бережливого поляка всякий раз протестовала, когда ему приходилось подавать не страдавшим отсутствием аппетита гостям его барина краковскую колбасу и сыр, чай и ром, и конфеты.

Он заметил компанию офицеров из-за низкого палисада – нес ведра с водой не худой, но и не чрезмерно тучной, приветливой кухарке, в боковой вход, ведущий в кухню, и не мог не выразить своего неодобрения.

– Не ворчи, Антон, – отвечал Арсеньев, оторвавшись от книги. – Проси. И самовар вздувай.

– Этак нам ужинать три дня нечем будет. – Денщики всегда говорили «наши стулья», «наши сапоги», «наши деньги», воспринимая офицерское хозяйство как общее. – Где же на всех набраться?.. Холодная телятина одна и позасталась...

– Иди, иди. Встречай. Все лучше, чем в ресторане водку пить будут.

– Зостане зробине... – солдат должен был ответить: «Будет

сделано», но переходя на польский, демонстрировал свое крайнее неудовольствие.

Он шел в переднюю. «Проше, господа... – и по привычке вытягивался, открывая по первому же звонку дверь. – Владимир Клавдиевич ожидают».

Небольшой круглый стол застилался белой скатертью с польской вышивкой цветами, рядом приставлялась тумбочка, на которой, на подносе, появлялся самовар, приносились закуски, сласти, чашки и блюдца, десертные тарелки и мельхиоровые хозяйкины ложки-вилки. В кабинете с окнами углом на две стороны было не слишком просторно, но вся компания помещалась на диване и стульях. Поручик Бялый рассматривал лежащие на столе книги. «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии», Леббок – «Начало цивилизации и первобытная культура», Лыпин – «История русской этнографии», Шнейдер – «Наш Дальний Восток»...

– Учебниками по тактике пренебрегаете?

– Тактика не универсальна. Зависит от района применения, – отвечал Арсеньев.

Он снимал куски черного ситца с террариумов ночных тварей, надевал рабочую перчатку прочной замши с раструбом, лез в один из ящиков, рылся в нем. Брал сонного паука с полпальца длиной, показывал.

– Это, господа, китайский лючковый паук, или паук-печать, по-научному – циклокосмия транк-

ктата. Обратите внимание: брюшко заканчивается хитиновым диском с рисунком, напоминающим иероглиф. Красавец! Собою невелик, однако – царь арахнидов. Самый древний паук на Земле, под сто миллионов лет этот вид существует, и ничто его не берет. О нем написано в «Эрья»* – старинном китайском трактате, на современный лад это толковый словарь иероглифов, мудрец Конфуций его составил. Не беспокойтесь, господа, не прыгуч и не ядовит. Очень смышленный – роет глубокие, разветвленные норы, закрывает лючком из почвы и травинок, склеивая их паутиной. Без пищи может сидеть по полгода, укрывшись в норе и замотавшись в паутинный кокон...

Буроватый, цвета темного дерева паук, действительно напоминающий прихотливо вырезанную китайскую печать, вцепившись всеми восемью лапами в раструб перчатки подпоручика Арсеньева, недовольно шевелил жвалами.

Офицеры с живым интересом слушали короткую лекцию, во все глаза глядели на «монстру», но не забывали угощаться. Они уважали своего товарища. Взвод Арсеньева был образцовым, но подпоручик добивался этого без брани и рукоприкладства. Он был не прост, занимался с какими-то китайскими книгами, не был беспринципным карьеристом – никакой подлости по службе ждать от него не приходилось, но при этом часто по каким-то делам, о которых не распространялся, бывал у высокого начальства. Офицеры ценили, что

**Cyclocosmia truncata* – один из видов земляных пауков, обитает на юге США и в Азии. «Эрья» (кит.) «Приближение к классике» – толковый словарь и энциклопедия III-II вв. до н.э., создание иногда приписывается Конфуцию, но более вероятно – коллективный труд древних ученых.

Арсеньев был лучше воспитан и более доброжелателен, чем многие польские дворяне, — и это несмотря на невысокое происхождение.

После отмены крепостного права в Российской империи для бывших помещичьих крестьян открылось много возможностей, и это был не только путь выкупиться и правдами и неправдами стать миллионщиком. Отец Владимира, Клавдий Арсеньев, вместе с матерью, освобожденной крепостной крестьянкой, в 1861 году переехал из Тверской губернии в столицу, в Санкт-Петербург. Аграфена Филипповна, его матушка, занималась поденной работой, а Клавдий рос на удивление серьезным мальчиком: самостоятельно занимался по учебникам, а потом и под руководством педагога, в семье которого Аграфена была прислугой. Так Клавдий подготавливался для сдачи экзамена на звание домашнего учителя, что приравнивалось к самому младшему классному чину по Табели о рангах. Клавдий Федорович поступил на службу на Николаевскую железную дорогу, где за 40 лет поднялся от кассира до заведующего движением Московской окружной дороги.

Он женился на Руфине Кашлачевой, крестьянке Нижегородской губернии. В Санкт-Петербурге Руфина Алексеевна открыла маленькую мастерскую по пошиву дамского белья, где вместе с нею, хозяйкой, трудилась всего одна работница. Арсеньевы жили «прилично», и в чем-то даже сохраняя деревенский уклад: в семье было четверо сыновей, пятеро дочерей да еще одна приемная, рано осиротевшая дальняя деревенская

родственница Капитолина. С ними жили обе бабушки.

Всякую свободную минуту Клавдий Федорович, учитель по образованию, занимался с детьми. Все они уже в раннем возрасте были грамотны, выработали красивый, четкий почерк и знали наперечет океаны и моря, все государства земного шара и их главные города. Математику дети учили по знаменитому сборнику задач для устного счета педагога Сергея Александровича Рачинского. «Кабатчик купил 3 сороковых бочки вина по 5 руб. ведро, разбавил его водою, перелил в 9-ведерные бочонки и продавал вино по 5 руб. ведро. Получил он 120 руб. барыша. Сколько воды прилил он к каждому бочонку?» «Некто в каждый будний день пропивает по 16 коп., а в каждое воскресенье столько, сколько во все будние дни недели. Сколько он пропивает в год?» «Сапожник каждый день два раза посылает мальчика за водою, а колодец за полверсты, и 15 раз в месяц за водкою, а кабак за 3/4 версты. Сколько верст мальчик пробежит в год?» Дети секунд через тридцать наперебой отвечали: «Полтора ведра! Сто рублей! Тысячу верст!» Они решали задачи без карандаша и тетрадей, только в уме, и понимали при этом о вреде пьянства, нечестности трактирщиков и о тяжелой жизни юных подмастерьев.

Во время русско-турецкой войны* в семье Арсеньевых следили за событиями на театре военных действий. Отец повесил в одной из комнат карту, и булавками с флажками вместе с пятилетним Володей отмечали они маршруты движения войск, искали города, что

*Война 1877-1878 годов.

были названы в газетных военных сводках. В сознании Владимира географическая карта представлялась неотделимой от защиты Отечества, военного поприща.

Он много читал самостоятельно. Романы Жюль Верна, Майн Рида, Луи Буссенара и других авторов романов-приключений давали ему вполне рациональное представление о географии и природе далеких краев. Он перешел к описаниям путешествий эпохи великих географических открытий, плаваний Колумба и Магеллана. Володя читал отчеты о путешествиях Пржевальского, так же, как и во время войны, по картам, следил за маршрутами путешествий.

Когда Клавдий Федорович получил очередное повышение по службе, семье оказалось по средствам на лето снимать дачу в Тосно. Неподалеку жил материн брат Иоиль Кашлачев. «Дядя Илья» был внешне тихим, задумчивым человеком. Однако он служил в лесничестве, был отменным охотником, к браконьерам проявлял суровость. Он любил лес, реку Тосну, чувствовал их красоту и искренне приобщал к ней своих сыновей и племянников. Знал название каждого зверя и птицы, дерева и куста, травы и гриба. Лесничий отправлялся с мальчишками на трех-четырёх-дневную рыбалку, учил их терпению на воде, тихому поведению в лесу, рассказывал о повадках животных и молчаливых рыб, о свойствах растений. Иногда дядя Илья разрешал мальчикам под присмотром старших братьев и кузенов совершать путешествия по реке на плотках, и эти впечатления, чувство самостоятельности и недетской ответственности остались для Владимира незабываемыми.

Грамотный и начитанный Владимир легко окончил четырехклассное мужское Владимирское училище, год проучился в 5-й Санкт-Петербургской гимназии и сдал экзамены за гимназический курс. Классическая система образования приводила в армию множество молодых людей. Сдать гимназический экзамен было очень сложно, особенно трудно давались «мертвые» языки – латынь и греческий. «За неуспешность» из старших классов гимназий исключалось до 80 учеников из 100 первоначально поступивших. Окончание 6-го класса гимназии давало право на 1-й разряд отбывания воинской повинности, то есть некоторые привилегии. На переходном экзамене из 6-го в выпускной 7-й класс с двумя годичными отделениями многим ученикам ставили удовлетворительный балл – тройку, но лишь «под честным словом», что они сами оставят гимназию и отправятся на военную службу. Бывшие гимназисты могли отслужить положенный срок вольноопределяющимся – добровольцем, что давало право жить отдельно и столоваться с офицерами, в остальном же такой солдат с трехцветным кантом на погонах выполнял все обязанности рядового. Служба вольноопределяющимся и гимназическое образование давали хорошие шансы юноше без протекции поступить в хорошее юнкерское училище, выдержав всего два экзамена – по математике и русскому языку.

Владимир Арсеньев учился хорошо, но генералов в его семье не имелось, и военную карьеру он решил пройти с самого начала. 145-й пехотный Новочеркасский его императорского величества Александра III полк входил в

1-й армейский корпус и дислоцировался в столице. Полковое начальство охотно зачислило Арсеньева вольноопределяющимся, тем более что он намеревался продолжать военную учебу и службу. Этот опыт был для юноши полезным: побывав «в шкуре» солдата, он, став офицером, всегда входил в нужды нижних чинов и не допускал грубости.

Через два года Владимиру предстояло держать экзамены в Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище как вольноопределяющемуся «1-го разряда по образованию». Он волновался: из списков, обычно составляющихся в полку и направляемых в училище там вычеркивали до половины, а остальных безжалостно резали на экзаменах. А если отец кого-то из поступавших служил когда-то вместе с начальником училища, то шансы еще сокращались. Августовским утром 1893 года 21-летний Владимир Арсеньев в отутюженной форме вместе с пятью своими сослуживцами прибыл в училище для сдачи экзаменов. В этот день решалась его судьба.

В отличие от военных училищ, в которые поступали юноши, окончившие кадетские корпуса, в основном дворяне, училища юнкерские были всесловными. Все поступавшие в пехотные юнкерские училища принимались на полное содержание казны. Для производства в офицеры военное образование не было обязательным. Однако на практике никто, даже отслужившие в войсках унтер-офицеры, не мог получить офицерских погон, не выдержав специального экзамена, который сдавали выпускники училищ. Арсеньев хорошо показал себя на вступительных экзаменах, но последнее слово оставалось за

начальником училища. Наконец, на первой неделе сентября, он получил уведомление о том, что зачислен. Все юнкера учились на казенный счет, и Арсеньев поехал примерять новенькую форму с алыми пехотными погонами, украшенными шифровкой «П.Ю.» — «Петербургское юнкерское».

Общая программа курса военных и юнкерских училищ включала как предметы специально-военные, так и общеобразовательные. К специально-военным относились тактика, военная история, артиллерия, фортификация, военная топография и география, военная администрация, военное законоведение. Вместе с ними будущих офицеров русской армии обучали общеобразовательным предметам, что позволяло поддерживать высокий культурный уровень выпускников училищ — Закону божью, механике и химии, русской словесности, проводились практические занятия по французскому и немецкому языкам.

День начинался с чаепития. По пути в столовую юнкера могли зайти в часовню, однако свежий теплый белый хлеб и черный, очень сладкий чай казались более привлекательными, лишь перед экзаменами в молодых людях просыпалась набожность, и паникадила были уставлены свечами. После чая и до завтрака занятия проходили в классах, позже — на плацу или в казематах. Введенная указом Николая II гимнастика быстро делала из бывших гимназистов и семинаристов подтянутых, бравых юнкеров с особой осанкой, манерой держаться, которые часто сохранялись до старости. После обеда полагались два часа сна, снова чай, после чего юнкерам давалось время для самостоятельных занятий.

Все свободное время юнкер Арсеньев проводил за чтением. Из учебных предметов более всего его привлекала география. Ее преподавал Михаил Ефимович Грум-Гржимайло, родной брат знаменитого исследователя Средней Азии Григория Ефимовича. Древний род, из которого происходили оба русских географа, с течением столетий разветвился, в Италии его представители звались Гримальди, в Польше – Гржимайли, в Чехии – Гржимеки. Русская ветвь брала начало от литвина, хорунжего Луки Грума, перешедшего на службу московским царям в XVII веке. Григорий Грум-Гржимайло думал пойти по военной стезе, но этому помешала сильная близорукость. Он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Успехи его на академическом поприще были велики, Григорий Грум-Гржимайло создал студенческий кружок, в котором его единомышленники, среди которых был и Владимир Вернадский, занимались исключительно наукой, оставляя в стороне модные социально-политические веяния. Он увлекался энтомологией, изучением бабочек. Образование завершил досрочно – совет Санкт-Петербургского университета утвердил Грум-Гржимайло, фактически еще студента, в звании кандидата естественных наук без защиты диссертации, поскольку молодой ученый уже опубликовал несколько серьезных работ. Было и еще одно обстоятельство, способствующее досрочному выпуску: Григорий Ефимович собирался в свою первую экспедицию, на Памир и в Припамирские области. Получив в конвой великую силу – четверых казаков Оренбургского

войска, отважный путешественник миновал Алайскую долину, перешел через Заалайский хребет и вышел к озеру Кара-Куль...

Увлечение фауной чешуекрылых, коллекционированием и классификацией бабочек, обитающих в России, сблизило Григория Ефимовича с великим князем Николаем Михайловичем. Подобные занятия никогда не были барской прихотью. Помимо научных результатов – до них этим всерьез никто не занимался – оно принесло Грум-Гржимайло еще и результаты практические. Великий князь помогал изданию его работ, финансированию экспедиций Императорским Русским географическим обществом, свел с Туркестанским генерал-губернатором Розенбахом. Михаил Ефимович был единомышленником и помощником старшего брата. Его лекции были очень популярны. Владимир Арсеньев с увлечением слушал рассказы о путешествиях Гржимайло-старшего, в воображении юнкера возникали древний Шахрисабз, дворцы беков горного Куляба и полустепного Припамирья, Гузара и Шарабада, равнины Курбан-Тюбе...

Он читал даже по ночам. Книжки по географии и этнографии Центральной Азии и Сибири способному юнкеру приносил Михаил Ефимович. Арсеньев впервые столкнулся с научной литературой, и ему не всегда удавалось с первого раза проникнуть в суть ученой премудрости. Грум-Гржимайло не жалел своего времени и после занятий подробно отвечал на вопросы пытливого ученика. Преподаватель рассказывал юнкеру о том, как мало на пороге нового столетия исследованы Сибирь и русское Приморье, какие возможности для

страны остаются скрытыми в тех местах...

В 1896 году Владимир Арсеньев простился с Санкт-Петербургским юнкерским училищем. Несмотря на то что 80 из 100 пехотных офицеров Русской армии были выпускниками именно юнкерских училищ, такое образование считалось словно второстепенным. Выпущенные в полк подпрапорщиками, в кавалерии – эстандарт-юнкерами, воспитанники училищ порой оставались в этих преофицерских званиях, в неопределенном служебном и бытовом положении до года и более, в зависимости от собственного рвения, вакансий и воли начальства. Владимир Арсеньев окончил училище с отличием, и был произведен в прапорщики. Ему было предоставлено право выбора воинской части, он искал службы на Дальнем Востоке, но вакансий не нашлось, и молодому офицеру пришлось отправиться на противоположную, западную окраину империи. Правда, полк был «отличным», с двухсотлетним старшинством. 14-й Олонецкий был сформирован в 1798 году как мушкетерский, то есть вооруженный новейшим образом. Полк участвовал в битве при Лейпциге и взятии Парижа, ходил за Карпаты в Валахию, брал трофеями турецкие пушки, сражался с польскими инсургентами и при взятии Варшавы в 1831 году потерял командира – полковника Тухачевского, но

получил знаки на головные уборы «За Варшаву». Полк гордился георгиевским знаменем с надписью «За Севастополь в 1854 г. и 1855 г.», умирал бесчисленные восстания поляков и венгров. Само присутствие на западных рубежах России этой хорошо знакомой европейским соседям части русской армии вселяло в них благоразумие. В 1890 году на пожертвования офицеров и трудами солдат в Ломже был возведен и освещен большой каменный полковой храм святых Петра и Павла, куда были перенесены останки Александра Николаевича Тухачевского. По случаю 100-летия полку было пожаловано георгиевское знамя, для офицеров и унтер-офицеров отлиты юбилейные нагрудные знаки.

– Все сие очень интересно, Арсеньев, – проговорил поручик Бялый, метивший в полковые адъютанты*, – хоть мне больше по нраву ваши ящерицы, словно металлом отливают... Не сердитесь на мой вопрос: как все это, – он сделал жест в сторону террариумов, – может помочь в службе русскому офицеру? Или вы собираетесь заниматься естественными науками?

– Науки, Станислав Казимирович, службе не мешают, – отвечал Владимир Клавдиевич. – Полагаю, мы с вами, господа офицеры, должны смотреть на вещи широко. Сейчас мы стоим перед лицом вечной западной угрозы, что сохраняется со времен первых московских

---

*Полковой адъютант назначался из обер-офицеров (не старше капитана) и отвечал за всю бюрократическую работу полка, кроме оперативной и казначейской частей: хранение и исправление послужных списков офицеров и формуляров нижних чинов, выдачу различных удостоверений, свидетельств, оформление приказов, корреспонденцию, ведение записей по истории полка, в XX веке – за полковые издания; ему подчинялись писарская часть и музыкантская команда. Командовал общими построениями полка и в этом случае отвечал за внешний вид нижних чинов.

царей. За этой границей не могут смириться с существованием такой страны, как наша. Но Россия граничит не только с Европой. Как знать, может быть, нам суждено умерить европейские притязания, зайдя к ним с черного, азиатского входа?

– А вы были правы, прапорщик, – выходя от Арсеньева, – рассуждал еще один взводный, подпоручик Пландовский. – Арсеньев

умен...

– И не жадничает... – подхватил Калиновский.

– Все-то вы, Ян Юзефович, о stomache своем печетесь. Только попечения ваши тщетны, мой самый худой ефрейтор вдвое толще вас.

– Дайте срок, с чинами наш инженер раздобреет... – отозвался Бялый.

2. АЗИАТ

Служба шла своим привычным чередом: занятия, караулы, работы в строящейся крепости, гарнизонные балы... В один из дней Арсеньева призвал к себе командир полка. Перед этим он поздним вечером вернулся из Варшавы.

– Разрешите войти, ваше превосходительство? – в дверях кабинета Арсеньев обратился по уставу.

– Входите, поручик.

– Виноват, ваше превосходительство, но служу в чине подпоручика...

– Начальство не ошибается, – с иронической назидательностью ответил полковник Федоров. У меня для вас два известия. Вот первое: поздравляю вас поручиком. – И прервав уставные благодарности, пригласил: – Полно, не на смотри. Садитесь, Владимир Клавдиевич.

Арсеньев снял фуражку и устроился на стуле перед столом

полкового командира.

– Вчера присутствовал на совещании у генерал-губернатора. Второе мое известие, полагаю, вас огорчит: очередной ваш рапорт остался без удовлетворения.

Подпоручик Арсеньев раз за разом передавал по команде рапорты о переводе на Дальний Восток. Такие вопросы решал генерал-губернатор, совмещавший эту должность с командованием Варшавским военным округом, светлейший князь, генерал-адъютант Александр Константинович Имеретинский. Внук царя Имеретии Давида II, он участвовал в кавказских войнах, но затем служил на западных рубежах: начальником штаба Варшавского военного округа; находясь «в заграничном отпуске», был инспектором стрелковых батальонов герцога Мекленбург-Стрелицкого*. Во время русско-турецкой войны сам участвовал в сражениях и сообщал царю Александру II о разумных действиях и личной храбрости

*Мекленбург-Стрелицкие – древний немецкий род славянского происхождения, владетельные герцоги Померании. Представители рода состояли на русской службе, оставаясь правителями своих владений и, до 1914 г., формально сохраняя подданство Германской империи. Здесь речь идет о должности инспектора стрелковых частей Русской императорской армии, шефами – почетными командирами – которых были Мекленбург-Стрелицкие герцоги.

генерала Скобелева; расположением придворных кругов Скобелев не пользовался, и, чтобы его подерживать, нужны были честность и мужество. Территория Варшавского военного округа, которым командовал генерал, князь Имеретинский, включала 10 губерний, в том числе Варшавскую, Владимиро-Волынский и Ковельский уезды губернии Волынской, новейшую Брестскую крепость и хорошо развитую железнодорожную сеть с узлами в Варшаве, Бресте, Ковеле, Ивангороде.

– Должен признать, не ведаю, из-за чего вы так настойчиво рветесь на Восток, – продолжал полковник Федоров. – Вы отличный офицер, полк наш не из последних, будущность ваша превосходна. Вы рискуете ее испортить – рапорты ваши вызывают уже некоторое раздражение у штабных.

Полковник вперил в Арсеньева прямой взгляд, ожидая ответа. Арсеньев несколько мгновений раздумывал, словно собираясь с духом.

– Семен Иванович, я благодарен вам за добрые слова и отношение. Если позволите, я буду искренен. Дальний Восток – огромная территория, и мы пока что не знаем, какие богатства она таит. Конечно же, Россию постараются отбросить от восточных морей, чтобы лишить естественных для нас стратегических преимуществ. А отбросив – и землю заберут! Аляску мы уже отдали, теперь локти кусаем. Впредь допускать подобное невозможно...

– Без вас, конечно, там распорядиться некому... – хмыкнул Федоров.

– Я так, упаси боже, не думаю, – благоразумно отвечал Арсеньев. – Но сил мало, на организацию войск, флота, речного и прибрежного пароходства, на перевозки из центральных губерний – и то не хватает. А ведь нужно исследовать этот огромный край, найти эти богатства и, что важнее, обеспечить бесспорность наших владений, а это – этнографические работы...

– Владимир Клавдиевич, – прервал новоиспеченного поручика командир полка. – Вы – человек военный, офицер способный, и должны понимать, где служите. Наш Варшавский военный округ клином в 350 верст вдавливается в земли Германской и Австро-Венгерской империй. Нам присвоено название Передового театра военных действий совсем недаром. Задача войск округа в случае войны, наше главное назначение – принятие на себя первого удара, изнурение врага обороной, разобщение противных России сил и переход в наступление, чему выдвинутое вонне расположение округа весьма способствует. До Берлина и Вены – по 300 верст*. Азиатские ваши соображения я понимаю, но и здесь положение не менее, а то и более важно.

– Но нельзя же оставлять без защиты один край страны ради защиты другого...

– Есть и иные соображения. Наше присутствие здесь укрепляет уверенность русского населения. В последнее время к светлейшему зачастил митрополит Евлогий**, хлопчет об учреждении Холмской губернии. Между Волынью и Галичиной жители называют себя Холмской русью, по названию

*300 верст – немногим более 320 км.

**Митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868–1946), видный церковный деятель.

древнего города Холм, да вы, наверное, знаете. Стали возвращаться от униатов в православие. И Евлогий такой не один, многие думают, что создание отдельной губернии утвердит самостоятельное положение русских среди поляков. Но его высокопревосходительство сомневается — много в административном и военном отношении перестраивать придется. Да и в Петербурге пока что считают, что такое дробление нанесет ущерб значению власти генерал-губернатора... Образованными офицерами, выходцами из материковой России, нам разбрасываться не приходится. Если в частях округа одни поляки останутся, что польским русским прикажете думать?

— Да поймите же! Простите, Семен Иванович, господин полковник... У любого государства, а уж у такого, как наша Россия, есть краткосрочное будущее и будущее в вечности, историческая судьба. Здесь нам дальше хода нет — Европа скорее совершит самоубийство, пойдет на полное саморазрушение, чем учтет интересы России. Черноморские проливы нам через Европу не вернуть. Будто сам Господь своим промыслом подталкивает Россию на Восток, а оттуда — подопрем их мягкое брюхо колониальных владений, не до Варшавы станет...

— Не замечал я в вас раньше такой набожности...

В церковь Арсеньев, действительно, ходил не реже, но и не чаще прочих и подолгу не задерживался.

— Грешен, Семен Иванович, однако несение света веры в Азию на нас возложено, более некому...

— Вот что, поручик, — Федоров перешел на более официальный тон. — Все эти важные материи

— пока что не нашего с вами ума дело. Светлейший знает, что на Дальнем Востоке назревают неприятные события, но такие офицеры, как вы, нужны здесь. Плохо вам служится? Нет? Вот и служите. Более я вас не задерживаю.

— Слушаюсь.

Арсеньев встал, надел фуражку, направился к выходу. Полковник задержал его:

— Впрочем, Владимир Клавдиевич, вы у нас человек ученый. Так прочтите для офицеров и интересующихся нижних чинов доклад, что ли... Лекцию... Только не об этих ваших, с позволения сказать... Коих вы на квартире по ящикам рассадили. Офицеры к вам ходят, гимназисты городские, вот и пускай любуются. Хм... А про Азию — расскажите, вреда не будет. Изберите день, я распорядюсь.

В назначенный день столы в зале полкового собрания были сдвинуты, принесены стулья, солдаты притащили из гимназии кафедру-конторку. Прошел слух, что «азиатский» доклад поручика Арсеньева почтит своим присутствием командир полка, и батальонным, и свободным от службы ротным офицерам волей-неволей тоже пришлось присутствовать. Они расселись впереди, за ними — фельдфебели и унтера. На удивление много собралось рядовых, что, сняв шапки, стояли у окон, в дверях и за дверьми. Ближе к первым рядам была укреплена географическая карта, что придавало собранию особый, штабной дух. Вошел полковник. Сидящие встали, по команде снова сели, Арсеньев начал:

— Все вы, должно быть, знаете из газет о путешествиях знаменитых наших первооткрывателей, Николая Михайловича Пржевальского, Григория Ефимовича

Грум-Гржимайло в Азию и области близ Памира. Вы, может быть, задаетесь вопросами, особенно о последнем – что нам, русским людям, понадобилось на этой «Крыше мира» среди облаков, камней, холодных речек? Чтобы ответить на этот вопрос, начать следует с того, что Россия к завоеваниям не стремилась и не готовилась. Но к концу 1860-х годов Хивинское ханство открыто повело враждебную политику, снабжая деньгами и оружием банды туркмен и киргизов, разбойничавших и захватывавших в рабство подданных империи на ее же территории. Русское правительство положило эту проблему, наконец, разрешить. Константин Петрович фон Кауфман, австриец по происхождению и военный инженер по образованию, был известен тем, что, будучи генерал-губернатором Северо-Западного края – большей части Литвы и Белоруссии, – своей властью запретил латиницу в печатных изданиях и почтовых отправлениях. В 1869 году, уже в должности генерал-губернатора Туркестана, Кауфман направил хану Хивы письмо, в котором перечислял все творимые им безобразия и требовал их прекратить. Хан ответить не пожелал, вместо чего принялся готовиться к войне. Из-за того, что российское министерство иностранных дел высказывало разного рода опасения, военные действия начались только в 1873 году – мы дали хивинцам возможность возвести новую цитадель в их столице и еще несколько укреплений...

Военные оживились. Рассказ Арсеньева, которого уже в шутку стали называть «азиатом», против ожиданий начинал вызывать их интерес. Поручик продолжал, время от времени указывая тот

или иной пункт на карте. Он и сам воодушевился, видя интерес своих товарищей и солдат, но воспитанная с годами учебы и службы сдержанность не позволяла выражать обуревавшие его эмоции.

На Хиву выступили четыре отряда. Из Туркестана войска повел сам Кауфман. Отряд со стороны Оренбурга возглавил генерал Веревкин. Тремя годами раньше в Красноводском заливе с кораблей Каспийской флотилии высадились десанты войск Кавказского округа, ими командовал полковник Столетов. На месте высадки был основан форт Столетов, быстро разросшийся в город Красноводск. Отсюда и из Мангышлака отряды вели полковники Ломакин и Маркозов. В общей сложности удалось собрать 15 тысяч человек, 44 орудия и 20 ракетных станков, артиллерию и обозы влекли тысячи верблюдов.

Арсеньев обратился к сидевшим особняком артиллерийским офицерам:

– Наши «боги войны» знают: первые ракетные установки были несовершенны и производили более шума, чем разрушений. Однако их снаряды горели неугасимым пламенем очень высокой температуры, отчего использовать их при штурме городов было затруднительно – штурмующие рисковали занять лишь выгоревшие развалины, что в планы российских военачальников не входило. Но применение ракетных станков в поле или против горных укреплений противника оказывалось полезным, в том числе из-за производимого ими эффекта устрашения врага.

Артиллеристы были польщены вниманием докладчика, но вида не подавали, лишь разводили руками и кивали в знак подтверждения его слов. Арсеньев тем временем

продолжал рассказ о событиях в Хиве.

Генерал Кауфман не зря лично повел Туркестанский отряд: его солдатам предстоял самый трудный переход. Сильные мартовские морозы в апреле быстро сменились нестерпимым зноем. Отряд вступил в безводную пустыню, и, хотя Кауфман знал об особенностях местности и климата, условия, словно нарочно, оказались самыми неблагоприятными. Впору было возвращаться, но Кауфман упорно двигался вперед и в начале мая вышел к Амударье.

Генерал должен был дать войскам короткий отдых, за несколько дней отряд был приведен в порядок и выступил к Хиве. Два каспийских отряда должны были преодолеть пустыню Усть-Урт. Маркозов был принужден вернуться, но его вины в этом не было: в 40-градусную жару 2000 солдат Красноводского отряда при 10 полевых пушках своими действиями надолго отвлекли силы самого воинственного туркменского племени – текинцев. Мангышлакский отряд, начальником штаба которого был Михаил Дмитриевич Скобелев, постоянно отбиваясь от хивинцев, преодолел пустыню и соединился с войсками генерала Веревкина. Хивинцы попытались не допустить объединения всех русских сил и близ Мангыта в конце мая атаковали два русских отряда. Но обессиленные солдаты Оренбургского и Мангышлакского батальонов прямо с изнурительного марша отбили их, уничтожив 3000 человек. Кауфман с основными силами подоспел вовремя. Войска двинулись к Хиве, первым на штурм ринулся генерал Веревкин, но был отброшен, получив неопасную рану в лицо. Генерал Кауфман, на

правах старшего административного начальника, переподчинил силы Веревкина себе. Казачий офицер привез от него Веревкину записку: «...Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чем прежде. Я беру ваши роты, орудия и кавалерию, чтобы они были представителями Кавказского и Оренбургского округов (при взятии Хивы). Поздравляю вас с победой и с раной. Дай Бог скорее выздороветь». Генералу Веревкину не оставалось ничего другого, кроме как проглотить выговор Кауфмана, облеченный в форму злой шутки – поздравления с несостоявшейся победой и с болезненной физически и для самолюбия раной. Но в отряде Веревкина служил подполковник Скобелев, который поднял две роты и, никого не спросив, ворвался в Хиву. Надо признать, что неудачный штурм Веревкина все же ослабил защитников и облегчил задачу Скобелева, что способный подполковник, конечно, учитывал. И без того раздраженный генерал Веревкин, получив доклад о выступлении Скобелева, послал ему вдогонку казака с запиской, в которой угрожал судом и расстрелом. Скобелев в седле написал карандашом ответ: «Идти назад страшно, оставаться на месте опасно, остается взять ханский дворец». И взял.

Арсеньев сделал паузу и эффектно добавил: «Вслед за ним в Хиву с музыкой вошли войска генерала Кауфмана».

Из дальнейшего его рассказа следовало, что хан Мохаммед Рахим II сумел удрать и затаиться, Кауфману стоило больших усилий разыскать его и уговорить на заведомо проигрышные переговоры. Однако хан, по здравому рассуждению, решил оставить свои

разбойничьи повадки и, выторговав себе лишь номинальную власть, уступил все, что от него требовали. Так называемый мирный договор был фактически омражем, вассальной присягой:

«Хан признает себя покорным слугой императора Всероссийского, отказывается от всяких непосредственных сношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии (то есть генерала Кауфмана) не предпримет никаких военных действий... Весь правый берег Амударьи и прилегающие к нему хивинские земли уступаются России, причем хан обязуется не противиться переуступлению части этих земель эмиру Бухарскому... Русским пароходам и другим судам, как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Амударье, а суда хивинские и бухарские пользуются этим правом не иначе, как с разрешения русской высшей власти в Средней Азии... Все невольники освобождаются на вечные времена... На Хиву налагается для покрытия расходов русской казны на ведение войны, вызванной ханом и его подданными, цена в размере 2 200 000 рублей, уплата которой распространяется на 20 лет...»

Однако теперь возникла новая проблема – возмущение в Коканде. У хана Худояра не было оснований жаловаться на Россию, с которой он ранее подписал соглашение. Он и не жаловался, напротив, вел себя мирно, всячески благоприятствуя торговле. Однако хан утратил бдительность и прозевал возвышение фанатичного

проповедника Абдуррахмана Атобачи, поклявшегося страшной клятвой не прекращать войну с неверными до полного их истребления. Под неверными он понимал почему-то только русских и союзников России. Худояр, внезапно осознав положение вещей, принял единственно возможный, по его мнению, шаг: второпях собрался и прибыл на русскую территорию. Атобачи провозгласил ханом его старшего сына, молодого Наср-Эддина, собрал 15-тысячное войско и в начале августа 1875 года осадил укрепленный за Россией Ходжент.

Энергичный губернатор Кауфман снова собрал отряд и двинулся на выручку. Атобачи отошел в кокандскую крепость Махрам. Кауфман выбил его оттуда, потеряв пятерых солдат убитыми и восемь – ранеными, кокандцы бросались в Сырдарью, но спастись удалось немногим. Оставив в Махраме небольшой гарнизон, Кауфман пошел на Коканд, чтобы решить вопрос раз и навсегда. В столицу ханства он вошел без единого выстрела. Но Атобачи еще представлял опасность, и для преследования его «скопищ», как именовались группы сторонников фанатика в русских донесениях, был отряжен теперь уже генерал-майор Скобелев. Он принял под командование шесть казачьих сотен, посадил на арбы две роты пехоты, усилился восьмиорудийной конной батареей и ракетной командой и гонял Атобачи по северу ханства, пока не вошел в Ош.

К тому времени Наср-Эддин подписал с Кауфманом новый договор, по которому признавал себя покорным слугой императора все-российского, обязывался выплачивать ежегодно 500 тысяч рублей,

и т.д. Однако то, что Скобелев не изловил Атобачи, оказалось ошибкой. Неугомонный проповедник снова поднял восстание, сверг Наср-Эддина, который бежал к отцу, и в Андижане провозгласил новым ханом другого родственника Худояра – Пулат-бека, проявлявшего к собственным подданным крайнюю жестокость. Скобелев взял Андижан, потеряв двух солдат убитыми и семь человек ранеными, среди которых ухитрился оказаться один офицер. Бунтовщики снова бежали, но Скобелев учел прежние промахи. В январе 1876 года он настиг их в горном кишлаке Уч-Курган и тут же повесил Пулат-бека; Атобачи снисходительные русские власти сослали на жительство в Екатеринослав на тихом Днепре. Разбойник, кипчак по крови, Абдурахман Кулаевич Атобачи в своем Коканде был родовит, а значит, имел законное право на российское дворянство. Местное общество, не избалованное знакомством со столь экзотическими чужестранцами, приняло Атобачи так радушно, что он быстро позабыл былые неистовства и сделался приличным и гостеприимным домовладельцем, благо пенсия от русского правительства в 3000 рублей в год позволяла вести достойную жизнь.

Тем временем хан Наср-Эддин воспрял духом, вернулся в Коканд и принялся назначать своих чиновников. Скобелев тоже вернулся в Коканд и арестовал Наср-Эддина, которого определили на жительство в Оренбург. Император Александр II наконец внял наместникам, указывавшим на бесконечные издержки, вытекающие из беспомощности кокандских владык. Своим указом царь упразднил ханство, присоединив его к России в виде Ферганской области.

Нерешенным оставался лишь один вопрос. Туркменские степи огромным клином вдавались в русские владения, пересекая торговые пути. Обстановка была столь неспокойной, что сообщение между Красноводском на Каспии и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург. Увещевания и воззвания результатов не имели, собственно, увещевать было некого – туркменские племена жили словно сами по себе. Однако у них был опорный пункт – крепость Геок-Тепе. В январе 1881 года Скобелев занял крепость и разослал туркменам последнее предупреждение: «Войска могущественного белого царя пришли сюда не разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, умирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланием добра и богатства». Туркмен от разбоя – как отрезало. Старейшины снарядили к Александру II пышную депутацию с дарами и просьбой о русском подданстве. Царь милостиво принял их, одарил в ответ и их желание удовлетворил. Туркменские конники перешли на русскую службу. «Такие молодцы, – отзывался о них Скобелев, – что свести несколько сотен под Вену – не последнее дело».

Азиатская «точка» была поставлена в 1883 году. Терпение начальника Закаспийской области генерала Комарова истощила деятельность жителей древнего города Мерва и окрестных селений, по словам генерала, «гнезда разбоя и разрушения, тормозившего развитие чуть ли не всей Средней Азии». Было непонятно, чего они добиваются, нападая на торговые караваны и одиночных путешественников и укрываясь за превратившимися почти в руины стенами города. Гуманист Комаров не стал

посылать на Мерв войска с артиллерией. В город были направлены казах, штаб-ротмистр*Алиханов, и туркмен, майор Махмут Кулихан. По возможности сократив восточные церемонии, офицеры предложили старейшинам Мерва перейти в русское подданство. Те будто только и ждали посланцев и принялись клясться, что именно это является их самым горячим желанием. Мервцы собрали депутацию и, прибыв в Ашхабад, принесли генералу Комарову прошение о переходе под власть русского царя. Прошение направили в Санкт-Петербург, откуда вскоре был получен ответ, осчастлививший жителей Мерва.

Однако замирение Средней Азии возымело совершенно неожиданное для русского правительства последствие. Британские газеты в Лондоне и в колониях почти десятком лет неустанно публиковали статьи, в которых утверждалось, будто русские принимают под свое подданство население Средней Азии, дабы обеспечить себе путь на Индию. Со времен императора Павла русские об Индии даже не помышляли, напротив, старались поскорее избавиться от своих отдаленных владений, от Аляски и Калифорнии. Об открытии Антарктиды после Николая I, издавшего отчет Крузенштерна за свой счет, забыли...

Было видно, что и сам будучи не чужд литературной деятельности, Арсеньев говорил об этом с досадой. Но продолжал спокойно, даже с иронией: «А над просьбой короля Гавайев о русском подданстве в Санкт-Петербурге от души посмеялись».

Однако английская пропаганда оказалась настолько упорной, что вселила ярость и панику даже в собственное правительство, которое стало совершать ошибки. И в Ташкент потянулись просители из совсем уж удивительных мест.

Первыми, еще в начале 1860-х годов, явились посланцы магараджи Кашмира Римбир Сингха. Они передали письмо, в котором говорилось, что раджа с нетерпением ожидает русские войска. Царскому наместнику генералу Черняеву пришлось оправдываться: «Русское правительство не ищет завоеваний, а только распространения и утверждения торговли, выгодной для всех народов, с которыми желает жить в мире и согласии».

Посланник магараджи княжества Индур с поклоном вручил чистые листы бумаги. Их догадались подогреть над огнем, и на листах проступили знаки. Раджа писал: «Услышав о геройских подвигах ваших, я очень обрадовался, радость моя так велика, что если бы я желал выразить ее всю, то недостало бы бумаги». Далее было сказано, что письмо составлено от имени властителей пяти княжеств и что, когда начнутся военные действия русских против англичан, раджи выгонят английские войска из Индии в течение месяца. Снова последовал вежливый ответ о том, что мы, конечно, рады, но распоряжений воевать Индию пока что не поступало.

За этими посольствами последовал ряд других. В 1879 году начальник Зеравшанского округа должен был принимать ветхого годами, облаченного в традиционные одеяния Гуру Чаран Сингха.

---

*Штаб-ротмистр – звание в кавалерии, соответствующее поручику в пехоте или старшему лейтенанту в современной российской армии.

В его суме оказалась книга древних ведических гимнов. Взрезав переплет, Гуру извлек письмо от «верховного жреца и главного начальника племени сикхов*Индии» Баба Рам Сингха. Тот обращался к России за помощью: сикхи активно сопротивлялись англичанам, которые провели с ними две полномасштабные войны и обходились очень жестоко. Старца с почестями выпроводили восвояси.

Принц Дулип Сингх, сын магараджи Пенджаба, добрался до Петербурга. Он был вывезен в Англию 10-летним мальчиком, учился в частной школе, ходил в англиканскую церковь, женился, получил поместье в графстве Суффолк и бывал при дворе. На него была возложена обязанность демонстрировать идиллические отношения королевы Виктории с ее индийскими подданными. Однако принц внезапно проявил характер, попытавшись без спроса вернуться на родину. В порту Адена он был силой снят с парохода англичанами, но возвращаться наотрез отказался и поселился в Париже. Там Дулип Сингх в отместку первым делом торжественно отрекся от англиканской ереси и возвратился к вере предков. А затем залучил в гости приехавшего в Париж журналиста, издателя «Московских ведомостей», статского советника Михаила Никифоровича Каткова, столпа русской консервативной прессы, которого просил передать письмо царствовавшему в то время императору Александру III.

Письмо для царя перевели: «Если бы Императорское правительство нашло удобным употребить меня в дело, то я буду служить ему без всяких видов на какое-нибудь вознаграждение. Одного только я позволил бы себе желать в случае счастливого освобождения Индии: допущения жить в моих родовых имениях в Пенджабе, из которых английское правительство изгнало меня, когда я еще был ребенком, но и это я не ставлю условием... Через моего близкого родственника, сердара Тхакукра Сингха, я уполномочен от большей части государей Индии прибыть в Россию и просить Императорское правительство взять их дело в свою руку. Эти государи в совокупности располагают войском в 300 тысяч человек и готовы к восстанию, как только Императорское правительство приняло бы решение двинуться на Британскую империю в Индостане... Если бы только при этом дозволено было мне, их представителю, сопровождать императорскую армию и свидетельствовать о великодушии и милостивых намерениях императора всероссийского... (Потому что) англичане всячески озаботились распространить между невежественным населением Индии фальшивые сведения о притеснительном будто бы характере русского управления. Между тем как именно Британское правительство нарушало свои торжественнейшие обязательства, когда это было ему нужно...» Принц не был фантазером,

---

*Сикхи – отдельная воинственная этническая и религиозная группа севера Индии, последовательно противостоящая объединительным тенденциям, борющаяся с империей Моголов и с британской колонизацией. Сикхами были телохранители, совершившие в 1984 году убийство премьер-министра Индиры Ганди. Представитель этой группы Манмохан Сингх был премьер-министром Индии в 2004–2014 гг. 20% офицерских должностей в индийской армии занимают сикхи, их отличительным признаком является головной убор – тюрбан с кокардой вместо общепринятой фуражки.

не соби́рался возвращать себе власть в Пенджабе, однако считал войну России в Индии делом решенным. Этого же всерьез боялись англичане, заранее пугая индусов русским царем. Вот только изгнание англичан из Индии и управление ею, ни притеснительное, ни какое-нибудь иное, в планы Александра III не входило.

Англичане тем временем предпринимали энергичные меры для отражения русского вторжения в Индию, существовавшего только на страницах их газет. В 1883 году генерал Лемсден прибыл из Индии в Герат и принялся настойчиво уговаривать эмира Афганистана Абдуррахман-хана двинуться на Россию. Эмир ничего такого не желал, но под началом Лемсдена было полторы тысячи солдат, готовых по приказу своего начальника сменить эмира на более покладистого. Вместе с афганским воинством они стали занимать стратегически важные оазисы и пункты пересечения дорог, пока не дошли до поста Таш-Кепри на реке Кушке, места, в котором позже возник одноименный город и мощная пограничная крепость – Кушка. Генерал Комаров медлить далее не мог, собрал отряд, в который включил сотню конных туркмен, и лично повел к русскому посту, чтобы дать отпор захватчикам. Он подошел на полторы версты и попытался договориться с афганским начальником и английским капитаном Иеттом, но те отвечали весьма дерзко. Тогда Комаров подвел войска на пятьсот шагов и остановился, все еще рассчитывая, что дело обойдется без крови. Но афганские всадники, с воплями и стрельбой на скаку, бросились на русскую пехоту. Закономерный результат последовал в течение минуты: нападавшие

были сметены одним ружейным и артиллерийским залпом. По воспоминаниям обидчивого эмира Абдуррахман-хана, «при первых выстрелах английские офицеры сейчас же бежали в Герат совместно со всеми своими войсками и свитой». За ними наперегонки устремились афганцы. Человеколюбивый генерал Комаров ссориться с эмиром не хотел и распорядился остановить преследование, в которое бросились было туркмены. Поэтому афганцы отделались сравнительно легко – пятью сотнями убитых, всеми своими восемью пушками и обозом со множеством верблюдов; русские потеряли девять человек.

– Заметьте, господа, – обратился Арсеньев к собравшимся. – Это единственный бой за все время правления Александра III, царя-миротворца. Генерал Комаров получил от него наградную золотую шпагу с бриллиантами. Но не за то, что рассеял пять тысяч афганцев. На следующий же день после боя к Комарову явились представители местных племен, и опять с просьбой о принятии в российское подданство. Пришлось учреждать на их землях Пендинский округ.

Англичане начинали понимать, что любой наскок в Средней Азии на Российскую империю с неизбежностью приводит к приращению ее территории. Их перестала устраивать неопределенность границ, и Великобритания потребовала закрепления рубежей на бумаге. Русская железная дорога, начинаясь от Красноводска, к 1885 году достигла Ашхабада, а к 1888-му – Самарканда. В 1900 году Кушка через древний, трехтысячелетний Мерв была соединена современной веткой с Закаспийской железной дорогой.

Была организована Амударьинская военная флотилия. Два парохода водоизмещением более 160 тонн, «Царь» и «Царица», использовавшиеся, в зависимости от обстоятельств как военные и как гражданские, а затем и остальные амударьинские суда работали на нефти, таких кораблей не имел ни Черноморский, ни Балтийский флот.

В степях заботливо выхаживались стада флегматичных, неприхотливых верблюдов.

Таким образом, Россия, теоретически, могла гораздо быстрее и дешевле перебросить большую массу войск в Афганистан и на север Индии, чем англичане морским путем из других своих колоний, не говоря уж о митрополии – Британских островах.

Принять пенджабского принца Дулип Сингха, приехавшего в Санкт-Петербург через Берлин, Александр III не пожелал. Однако на вооружение крепости Кушка средств не жалел.

Арсеньев вновь обратился к артиллеристам:

– Наверное и вы, и ваши товарищи, что служат в новейших крепостях на западных рубежах, завидуете «азиатам». Три крепостные артиллерийские роты были оснащены новыми орудиями, позволявшими отбить любой штурм. В крепости находились батареи полевых пушек, пригодных для действий конной артиллерии – для уничтожения противника вне крепостных стен. Кроме того, был сформирован осадный артиллерийский парк в 16 шестидюймовых осадных пушек, каждая весом в 120 пудов, 4 восьмидюймовые мортиры и 16 полупудовых* «гладких» мортир,

старых, образца 1838 года, но эффективных и удобных в транспортировке. Зачем, по-вашему, они понадобились в Кушке?

Один из офицеров встал и с долей снисходительности, будто о само собой разумеющемся, пояснил:

– Эти орудия в таком большом количестве для обороны крепости бесполезны, хотя грамотный артиллерийский офицер, возможно, нашел бы применение для одной-двух тяжелых пушек в критический момент. Для войны с Афганистаном такие калибры излишни, афганские укрепления не выдерживали обстрела даже из полевых орудий. Они предназначались для крепостей в Индии.

– Верно, – отозвался Арсеньев, и продолжал: – Воевать Россия не собиралась. Но лучшие в мире кавказские стрелки, имевшие опыт войны в горах и в пустыне, великолепная казачья и туркменская конница находились в готовности. Все необходимое для совершения длительных маршей, для взятия современных крепостей было припасено.

По словам Арсеньева, выходило, что при огромных пространствах страны, наше министерство иностранных дел призвано играть роль противовеса военным, давая рекомендации, которые, на первый взгляд, а часто и в реальности, идут вразрез с краткосрочными интересами России. Англичане оказались перед очевидным выбором: сделай они в отношении России единственный неверный шаг, и будут с великим позором бежать до своих кораблей, чтобы спастись из Индии. Впрочем, на позор они

*Шестидюймовое, как и полупудовое орудие в современных измерениях калибра – 152 мм, восьмидюймовое – 202 мм, т.е. речь идет о крупнокалиберной артиллерии.

согласны всегда, а Индию терять не хотели. Богачи, получавшие огромные прибыли от торговли индийскими товарами, достававшимися даром, аристократические колониальные семьи, связавшие саму свою будущность с Индией, принялись давить на британское правительство. То взялось запугивать российское внешнеполитическое ведомство, а МИД в свою очередь транслировал угрозы царю. Им удалось добиться учреждения границы между Россией и Афганистаном по реке Амударья. Но граница Афганистана с Памиром была по-прежнему не определена.

Формально Памир входил во владения ханов Коканда и, по присоединении ханства к России, становился территорией империи. Но правительству было не до Памира до тех пор, пока в начале 1880 годов англичане не стали засылать сюда разведчиков под видом научных экспедиций. Это не понравилось Китайской империи, и китайцы выставили военные посты в долинах припамирских озер. Оттуда их выгнали войска афганского эмира. России пора было наводить порядок на своей территории.

Для этого был сформирован отряд, командование поручено полковнику Ионову. Солдаты, фактически тащившие на себе снаряжение и припасы, и коней и мулов, преодолели опасный высокогорный перевал Акбайтал*. Ионов начал рекогносцировки в районах, прилегающих к Гиндукушу. Казаки поймали переодетого английского лейтенанта Девинсона

– Ионов отправил его под конвоем в Маргелан. Осмотревшись, полковник двинулся в глубь территории Памира и убедился, что немногочисленное население колеблется в отношении своего подданства. Полковник Ионов разъяснял местным жителям этот вопрос, назначал беков, бескровно выдвигал афганские отряды в пределы владений их эмира, воздвигал пограничные знаки. К нему привели еще одного англичанина, капитана Юнгхесбенда. Ни отправить его куда следует, ни возить за собой Ионов уже не мог, поэтому англичанин тут же письменно раскаялся в своем шпионстве, дал честное слово офицера покинуть Памир, и был отпущен со внушением. Однако усилий небольшого отряда оказалось недостаточно – как только русские уходили, в эту местность снова просачивались афганцы или китайцы. Ионов принял решение вернуться за подкреплением. В 1892 году он снова выступил на Памир, на этот раз имея сравнительно крупные силы и артиллерию. У озера Рангуль был замечен китайский отряд, отошедший при приближении русских войск. У реки Оксу, на месте своего прежнего бивака, полковник Ионов основал укрепление и оставил в нем постоянный гарнизон, первоначально очень малочисленный. В начале 1894 на Памир было отправлено новое подкрепление из двух отрядов под командованием подполковника Юденича**и капитана Скерского. Афганцы несколько раз пытались атаковать

---

*Высота перевала Акбайтал – 4593 м над уровнем моря. Подъем на такую высоту сегодня считается рекордом среди альпинистов.

**Юденич Николай Николаевич (1862 – 1933), генерал от инфантерии, исследователь Азии, один из самых успешных русских военачальников Первой Мировой войны, активный участник белого движения.

русские войска, но были отогнаны огнем. С китайцами удавалось договориться миром. К концу года Памир был окончательно очищен и от тех, и от других. И, как часто бывало раньше, местное население во главе с правителями радостно приветствовали вхождение в Россию. А Великобритания запросила переговоров об окончательном установлении границ.

В 1895 году соглашение было достигнуто. Под давлением англичан нам пришлось все же уступить часть Памира эмиру Афганистана. Зато две другие части переходили к России и к эмиру Бухарскому, властвовавшему лишь номинально. Фактически власть в русском и бухарском Памире перешла в руки командира Памирского отряда*, пользующегося правами начальника уезда и административно подчиненного генерал-губернатору Ферганской области. Памир стал даже не губернией, а уездом Российской империи.

– Надеюсь, господа, мне удалось разяснить, для чего нужны далекие путешествия и как важно для Российской державы азиатское направление, – закончил поручик Арсеньев.

Воцарилась тишина.

Полковник Федоров поднялся, сдержанно поблагодарил Арсеньева и вышел.

Офицеры тут же принялись поздравлять и благодарить поручика, засыпали его вопросами.

Слышались возгласы:

– Вот вам и Юденич, господа. Ведь почти что наш сосед, из дворян Минской губернии!

– А куда забрался! На «Крышу мира»!

– Теперь уже, видно, полковник...

– Вот как с англичанами-то надобно! Еще по Крымской кампании известно: регулярного боя не выдерживают. Все исподтишка норовят, да чужими руками...

Разговоры шли и среди солдат:

– Ай да Скобелев, ай да белый генерал!

– Потому и белый, что обмундированию белую, для жарких стран, всю Турецкую кампанию проносил...

Вскоре всезнающие денщики разнесли слух о том, что командира прочат на должность начальника штаба корпуса с производством в генерал-майоры. Офицеры принялись ломать голову над тем, что дарить ему на память. Золоченый портсигар со знаком полка, белым мальтийским крестом с вензелями Александра I и Николая II? Икону? Сервиз в польском духе? Полковник Федоров вновь призвал поручика Арсеньева к себе.

– Ну-с, Владимир Клавдиевич, грядут, грядут в нашей службе перемены. Ценз вы отслужили, скоро открываются вакансии для поступления в Академию Генерального штаба**. Экзамены при военном округе вы, не сомневаюсь, выдержите. А уж в Петербурге – все от вас зависеть будет. Бумаги оформим без промедления, препятствий к тому не усматриваю.

Арсеньев взял краткую паузу на раздумье лишь для приличия. Ответ у него был уже готов.

---

*Отряд русских войск оставался на Памире до 1917 года.

**Для поступления в Академию Генерального штаба офицеру было необходимо прослужить в строю не менее трех лет. Экзамены делились на два этапа: письменные – при штабе военного округа по месту службы, и устные – при академии. На подготовку к последним уходило до года напряженной самостоятельной работы.

– Благодарю, ваше превосходительство, но будущности своей на академическом штабном поприще не вижу. Для построения стратегий найдутся умы, более моего пригодные. Мое же дело – практика, полевая служба.

– Скромничаете, поручик, – усмехнулся в усы командир полка. – Можете быть свободны.

Через некоторое время упорство поручика Арсеньева принесло плоды. Очередного вызова к командиру полка он ожидал не без предчувствия судьбоносных новостей. Полковник принял его без уставных обращений:

– Ликуйте, поручик, – и протянул документ, в котором было сказано: «Высочайшим приказом по Военному ведомству мая 19-го дня, в Царском Селе, переводятся: ...во Владивостокский 1-й крепостной пехотный полк 14-го Олонецкого полка поручик Арсеньев...» – Хлопоты ваши увенчались успехом. Своим знаменитым докладом вы меня убедили. Как ни жаль отпускать вас, но, предполагаю, больше пользы отечеству вы сможете принести там, куда стремитесь. Не скрою, мне пришлось нажать на кое-какие пружины в Варшаве. Но это для пользы общего государственного дела. И не взыщите: новый ваш полк едва сформирован, да и то не окончательно, третий год во Владивосток

через всю державу чуть ли не пешим маршем следует. Даю двухнедельный отпуск, а потом догоняйте свою часть. Впрочем, возможно мы с вами и на дальневосточных рубежах повидаемся – события зревают тревожные...

Арсеньев медлить не стал. Удивительные твари были розданы ломжинским гимназистам, вручая им террариумы, денщик Антон строго поучал молодых людей о кормлении пауков, змей и ящериц, и восторгам школяров не было пределов. Книги и записи поручика Арсеньева были заботливо упакованы в чемоданы и принесены в купе поезда. Вместе с отправляющимся к новому месту службы офицером следовала его беременная жена, давняя знакомая Владимира Клавдиевича, Анна Константиновна Калашевич. Позже, по приезде во Владивосток, у них родился сын Владимир. А пока что, в проходе вагона, денщик наставлял офицера:

– Сапоги-то полевые по прибытии не забудьте заказать. Я подметки поставил, еще добре послужат, а все ж уже новые хорошо бы... Сабелька почищена, не сомневайтесь, португеза в исправности, хоть сейчас к смотрю... Уж вы барыню-то, Анну Константиновну, берегите, я молока бутылку сообразил, не закисло бы, пусть покушает... С богом, ваше благородие!.. Доброй дороги...

3. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ «УТОПИЯ»

К 1900 году в Китае полыхало огромное восстание. Его затеяли тайные общества преступников «Кулак справедливости и гармонии», «Общество большого кулака» и шайки поменьше. Вожди восставших говорили, что из-за постройки железных дорог, в

том числе русской Китайско-Восточной, китайские лодочники и пешие носильщики, традиционно занимавшиеся доставкой грузов на большие расстояния, лишатся доходов, многочисленные гонцы-бегуны станут не нужны из-за прокладки телеграфных линий...

Для пропаганды они успешно играли на невежестве простых китайских крестьян, привлекая их совершенством древних боевых искусств, уверяя, что овладевшие ими совершенно неуязвимы. Восставшие носили красные пояса, головные повязки и размахивали красными знаменами. В первых рядах в бой всегда бросались молодые китайцы, которым показали несколько упражнений школы гимнастики, вроде ушу, и одурманили опиумом. Англичане называли восставших боксерами, русские – ихэтуанями и хунхузами.

Бесцеремонная, хищническая деятельность иностранных компаний в Китае действительно приводила к нищете населения, занятого в некоторых промыслах, например, в кустарном горно-рудном деле. Деятельность западных миссионеров, не имевших представления о своеобразии религиозных чувств китайцев, в приказном порядке требовавших податей, обернулась тем, что китайцы начали отказываться от едва обретенного христианства, а большинство и без того традиционно считали вмешательство в вопросы веры оскорбительным. Ихэтуани начали с того, что принялись разорять христианские миссии и жестоко убивать проповедников, а заодно и китайских христиан, которых называли изменниками. Затем дело дошло до всех европейцев вообще. Множество из них укрылись в дипломатическом квартале Пекина под защитой нескольких десятков военных разных стран, среди которых героями показали себя казаки посольской сотни и моряки русского десанта. Вдовствующая императрица Цы Си европейцев, фактически навязавших ослабленному Китаю свою волю и выкачивавших богатства, ненавидела.

Ее правительство, сначала простым бездействием, а потом и прямой помощью оружием, стало поддерживать восставших, видимо, планируя взять их под свой контроль. Теряющие дисциплину воинские части сливались с толпами ихэтуаней, и это была уже серьезная сила. Некоторые китайские чиновники и военачальники, фактически действуя наперекор собственному правительству, сохраняли здравый смысл и отбивались в своих гарнизонах. Губернатор провинции Шаньдун генерал Юань Шикай не меньше других ненавидел европейцев, однако понимал, что восстание приведет к потере Китаем остатков самостоятельности, окончательно уничтожит промышленность, внутреннюю торговлю и сельское хозяйство. Он провозгласил: «Проявление враждебности к сильному врагу подобно искре, могущей сжечь обширную степь». Мудрый генерал имел в виду, что убивать европейцев нельзя, а нужно копить свои силы, чтобы в будущем от них избавиться. Генерал Юань переловил главарей, лично совершавших многочисленные зверства, и, чтобы развенчать миф об их сверхъестественных возможностях, вытекающих из владения боевыми искусствами, показательно расстрелял. Простая и своевременная просветительская мера, как водится, быстро дала результаты, и в провинции воцарилось относительное спокойствие. Юань Шикай оказался прав и в другом: европейские страны, в том числе Россия, в Печелийском заливе – «морских воротах в Пекин» – стали собирать многотысячный международный военный отряд, чтобы, для начала, выручить свои посольства, а затем уж, если придется, и подавить восстание ихэтуаней.

Однако в среде высших чиновников Поднебесной империи произошел раскол. Губернатор пограничной с Россией провинции Хэйлуунцзян генерал Шоу Шань и фудутун – начальник Айгунского округа Фэн Сян превзошли и самих ихэтуаней. Шоу Шань отдал приказ об обстрелах Благовещенска, находящегося на другом берегу Амура, и следовавших по реке русских пароходов. Телеграмма Шоу Шаня от 30 июня 1900 года извещала местные и центральные власти об уже отданном приказе.

Благовещенск был основан в 1859 году на слиянии рек Амур и Зея. Выгодное положение в золотом крае, плюс роль административного центра Амурской области позволили городу быстро вырасти – к 1900 году население составляло не менее 40 000 человек, к которым прибавлялись несколько десятков тысяч сезонных рабочих золотых приисков и служащих, обеспечивавших навигацию по Амуру. Рядом с Благовещенском находился Зазейский район, или, как его называли горожане, «маньчжурский клин». Официально там проживали 15 тысяч китайцев, фактически – все 35 тысяч. Это был коридор, через который китайцы и маньчжуры двигались на заработки в Россию со своего берега Амура. И хотя территория принадлежала России, само население находилось под юрисдикцией айгунских властей. Оседлые китайцы имели здесь фермы, лавки, питейные дома и курильни опиума, в районе процветала контрабанда, с которой было очень трудно справиться.

Во многих русских семьях в качестве мужской прислуги служили мо-

лодые китайцы. Их хоть и называли «ваньками», но, порой, привязывались как к родным, обучали русскому языку и не обижали. Но в среде бедных горожан китайцы симпатией не пользовались, их именовали «ходящими» – потому что китайцы часто говорили: «ходи туда», или: «моя ходи». Простые люди видели в них представителей чуждой национальности, упорно избегающих всякого взаимодействия с русским населением, живущих в нашей стране, но по своим законам, готовых работать практически за копейки и лишавших русских рабочих заработков.

29 июня* основная часть войск, стоявших в Благовещенске, на 6 пароходах и 11 баржах потянулась по реке в Хабаровск для последующего соединения с международным войском.

Утром 1 июля российский пароход «Михаил» шел обычным путем по Амуру, как вдруг у деревни Сы-дао-гоу, недалеко от города Айгун, был обстрелян с китайского берега. Затем оттуда замахали белым флагом. Это было настолько неожиданным, выходящим из ряда вон происшествием, что капитан приказал остановиться и спустить шлюпку для выяснения дела. Шлюпка вернулась с тремя китайскими нойонами – чиновниками. Нойоны сообщили капитану, что ими получен приказ, запрещающий русским судам плавание по Амуру. Заметив на борту судна военный груз, китайцы приказали перевезти его на их берег. В это время к месту событий подходил военный пароход «Селенга», на борту которого находился пограничный комиссар области, Генерального штаба подполковник Виктор

*Даты даны по старому стилю.

Брунович Кольшмидт. Капитан «Михаила» подал сигнал остановиться, после его доклада пограничный комиссар велел вежливо выпроводить китайских нойонов, пароходам немедленно сняться с якорей и продолжить путь вверх по реке. Но как только «Михаил» и «Селенга» тронулись с места, китайцы дали по ним залп и уже не переставали стрелять, осыпая наши пароходы градом пуль и картечи. Кольшмидт приказал нескольким бывшим при нем казакам открыть ответный огонь. В получасовой перестрелке – против течения пароходы разгонялись медленно – пятеро русских были ранены: два казака, боцман, лоцман и сам руководивший боем полковник Кольшмидт.

Он доложил о случившемся по инстанциям и отбыл далее. Жители Благовещенска особого значения событию не придали. На следующий день они прогуливались по набережной, спешили по своим делам – город жил обычной жизнью. Вечером, в половине седьмого часа, с китайского берега, по всей линии отрытых там окопов, послышались выстрелы. По зданиям и мостовым защелкали винтовочные и картечные пули. В здание роскошной гостиницы «Россия» угодили артиллерийский снаряд и осыпал прохожих осколками кирпича. Раздались крики о том, что китайцы будто бы переправляются через Амур. Сильная стрельба велась по улице Мастерской, городской управе и дому губернатора и по району казачьих лагерей. От неожиданности население охватил ужас. Из домов на набережной выскакивали не вполне одетые обыватели. Люди бросились в глубь городских кварталов, прочь от реки и из города. Извозчики, поняв преимущество

своего положения, уже мчались впереди всех. Очевидцы вспоминали: «Многие укладывали пожитки на телеги и с женами и детьми выезжали из города. Суета и возня в городе поднялись невообразимые... По улицам творилось что-то невероятное! Народ с криком, плачем и бранью валом валил за город. В воздухе стон стоял от смешанного гула многих голосов и свиста пуль, то и дело пролетавших над головой». К ночи полицейские расклеили по городу воззвание полицмейстера Баторевича: «Нет опасности, когда мы все заодно, дружно, без страха, совместно, вооружаясь чем можно, встретим, если только понадобится, врага-нехристя, помня: Бог с нами, а не будем верить каждому нелепому слуху, распускаемому со страху глупым человеком, и не будем бросаться в кусты, где мы беспомощны».

Из военного начальства в городе оставался только комендант, полковник Орфенов. Он имел под своим командованием несколько десятков казаков, до полуроты солдат разных частей и чинов пограничной стражи и маршевую роту новобранцев, более 500 человек, которую вел в Хабаровск подпоручик Юрковский, правда, рекруты не были вооружены. Стрельба еще не стихла, когда по китайскому берегу прямо с набережной открыли огонь оба орудия взвода 2-й запасной батареи, артиллеристы заставили замолчать пушки китайцев, перетопили все лодки, джонки, баркасы, что заметили на китайской стороне, но скоро не могли стрелять и сами – не осталось ни одного снаряда.

На экстренном заседании в городской думе было решено организовать оборону вдоль набережной и по пять верст в каждую

сторону от города. Вдоль линии отрывались окопы, горожане вооружались охотничьим оружием. Торговые дома купца Чурина, немцев Кунста и Альберса открыли свои склады, оружейный торговец Макс Клоос выделил 210 ружей и несколько пудов патронов. Прямо ночью добровольцы стали обустройства укрытия – были опасения, что китайцы все же начнут переправу. Начальником внутренней обороны города был назначен полицмейстер, подполковник Баторевич, полковник Орфенов взял на себя общее руководство и командование добровольцами за пределами города. Полицмейстер составлял списки: дворянин Константин Августовский был начальником первого участка береговой обороны, а его помощниками – титулярный советник Дулетов и дворянин Ружицкий. Купец Семен Савич Шадрин стал простым дружинником пятого участка. Начальником третьего – золотопромышленник Николай Зиновьев, его помощником – купец Петр Иорданский. С пением псалма «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» ополченцы, многие из которых были вооружены лишь топорами и вилами, расходились по своим участкам. Те немногие офицеры, находящиеся на службе или в отставке, что оказались в городе, стали инструкторами. За первый день обстрела были убиты двое и ранены трое горожан.

Навигация сама собой прекратилась. На одном из последних пароходов в Благовещенск прибыл следовавший к новому месту службы поручик Арсеньев. Тем же пароходом отправив молча плакавшую жену дальше, он добровольно поступил в распоряжение коменданта города.

3 июля китайцы стреляли особенно сильно. Жительница города Клавдия Никитина вспоминала: «Осада тянулась... получалась уверенность, что китайцы хотели хорошенько изморить город, играя с ним, как кошка с мышью, прежде чем окончательно овладеть им. Жители знали, какая участь ожидала их в последнем случае. Я помню несколько семейств, члены которых, в случае взятия города китайцами, готовы были покончить с собой, лишь бы не попадаться в их руки. Подобная участь в перспективе многих благовещенцев довела до умственного расстройства».

А 4 июля началось выдворение китайцев за Амур. Большинство обитателей «маньчжурского клина» успели перебраться еще в первый день обстрела. Китайские слуги, несмотря на приказ коменданта, со слезами отказывались покидать город, и горожане прятали их в подполах и чуланах. В надежном подвале, снабдив припасами, укрыли своих китайских служащих владельцы торгового дома «Кунст и Альберс». К полицмейстеру явился богатый купец Юн Ха Зон, свободно владевший русским и французскими языками, принятый в местном высшем обществе владелец универсального магазина на Большой улице. При нем был узел со сменой белья и вяленой курятиной и пачка ассигнаций. Купец бухнулся перед столом полицмейстера на колени, протянул деньги:

– Помилуй, Василий Федорович, ваше высокое благородие! Вели в тюрьму! По старой-то дружбе...

Полицмейстер поначалу не понял:

– Вы что же, в тюрьму хотите?.. Да поднимитесь же, не до ваших мне комедий!..

Китаец только улыбался и кивал:

– Да, точно так-с...

Долго раздумывать было некогда. Баторевич деньги взял, отсчитал и сунул две купюры дежурному полицейскому чину, приказал:

– Пиши протокол о дебоше, что ли, в публичном месте и препроводи почтенного в арестантский дом...

Хитрый Юн избрал для себя самое безопасное место: тюрьма была построена на совесть и от обстрелов пострадать не могла, если бы ихэтуани и китайские солдаты ворвались в город, его освободили бы как узника русских властей, а если нет – полицмейстер через некоторое время отпустит.

Прочие китайцы должны были быть из города выдворены. При обысках полиция находила у них ножи, веревочные петли, патроны и «афиши» с другой стороны реки, призывающие их к восстанию. Ножик да веревка в кармане – кто из рабочих людей их не имеет? Однако с боеприпасами и листовками дело обстояло более серьезно: они подтверждали опасения властей, что возможен бунт китайцев на русском берегу. И случилось то, за что благовещенцам всегда будет стыдно.

Местом переправы была выбрана станица Верхнеблаговещенская в 10 верстах вверх по течению Амура. Две тысячи китайцев собрали на лесопильном заводе промышленника Мордина. Их привели 80 новобранцев, вооруженных, за неимением ничего другого, топорами, выданными одним из торговцев скобяным товаром, и несколько казаков. Однако станичный атаман Писарев, организовавший оборону на своем берегу,

вдруг категорически отказался дать лодки и баркас.

Полицмейстер сунул ему под нос кулак, затянутый в белую перчатку.

Атаман остался непоколебим:

– Что хошь со мной, ваше высокоблагородие, делай – ни доски не дам!..

За спиной полицмейстера слышался одобрительный ропот казаков. Они не хотели отдавать китайцам средства для возможной переправы на русский берег. В лучшем случае, станичные лодки были бы ими испорчены или сожжены.

Подполковник Баторевич махнул рукой и направился к своей коляске. Казаки прикладами, нагайками и выстрелами в воздух погналы китайцев в воду.

Амур здесь имел ширину не более 200 метров. Однако большинство китайцев плавали плохо или не умели плавать вовсе. С противоположного берега ихэтуани стали стрелять в плывущих и забрасывать их камнями. Возможно, они решили наказать соотечественников, не ударивших русским в спину, или, будучи одурманены наркотическими снадобьями, решили, что это переправа русских войск. До противоположного берега добрались не больше сотни китайцев...

Между тем обстрелы города продолжались. 5 июля в Благовещенске было введено военное положение. 7-го полицмейстер доносил по своему начальству: «Сегодня утром неприятелем было пущено две гранаты, которые попали во двор дома Гусарова – угол Артиллерийской и Зейской, кроме того неприятельской пулей убит арестант Белоусов – пуля ударила в голову, и ранен в шею тюремный надзиратель Шульгин; также в доме Гусарова, куда

попали снаряды, осколками ранены лошадь и теленок». По берегам формировались дружины из крестьян, вооруженные охотничьим оружием – местные крестьяне почти все были охотниками. Казаки, отслужившие действительную службу, снова садились на коней. Напротив китайского Айгуна казакам удалось отогнать огнем отряд китайцев, пытавшихся переправиться на лодках на русский берег Амура. По всей полосе обороны подобные известия стали поступать все чаще. Нужно было делать вылазку на китайский берег.

Поручик в отставке и надворный советник, судебный следователь Соколов, взяв «в поиск» троих казаков и троих солдат, перед рассветом на малых лодках пересек Амур, разогнал многочисленный китайский пост, испортил пушку и захватил полтора десятка винтовок и несколько коробок патронов. Китайцы опомнились, когда Соколов и его люди были на середине реки, и открыли по ним огонь. В суете здесь же не досчитались одного солдата – Федора Калинина, но возможности вернуться уже не было.

– Так нехорошо, так стыдно, поручик, – говорил Соколов Арсеньеву. – Прямо места себе не нахожу...

– Что ж вы, поручик... – Арсеньев обращался к следователю по-военному. – Людей беречь надобно.

Однако в целом вылазка Соколова оказалась успешной, выяснилось, что бить китайцев очень даже можно. Для вызволения рядового Калинина, а если удастся, и для ослабления обстрелов города, было принято решение прощупать оборону находившегося на противоположном берегу поселка Сахалян.

Арсеньев отобрал для вылазки десяток пограничников и десяток казаков с опытным старым вахмистром. С ними пошел подпоручик Юрковский. Он был не беден, у подпоручика было отличное ружье-дробовик «винчестер», модель 1897 года, прозванное позже «траншейной метлой». К китайскому берегу подобрались без происшествий, втащили на песок лодки, поднялись вверх, залегли у китайского бруствера. Окопы были пусты, лишь где-то вдалеке слышалось движение и тихий говор.

Поползли дальше. Услышали, что китайцы уже близко. Юрковский подсобрался, но вахмистр схватил его за полу кителя, зашептал:

– Куды-ы, вашбродь...

Однако поручик, стряхнув ружьё казака, по-кошачьи прыгнул в окоп и ловко приземлился на одно колено. Из его ружья можно было стрелять, отжав и удерживая спуск и передергивая цевье, скользящее по трубчатому, расположенному снизу вдоль ствола магазину. Поручик приложился, грохнул выстрел. Заряд дроби крупного калибра смел двоих китайцев, уловивших движение и шедших проверить, что оно значит. За убитыми в узком окопе показались еще китайцы, за ними другие. Юрковский двумя выстрелами очистил окоп. Со стороны китайцев послышались крики и беспорядочная стрельба. Поручик привстал и уже поворачивался к казакам, чтобы отдать команду, как вдруг тихо крякнул, взгляд его из торжествующего сделался удивленным, он крутанулся вокруг корпуса и стал заваливаться лицом прямо в земляной срез окопа. Шальная пуля угодила ему под ключицу.

– Эх, твою ж... – выругался вахмистр и обратился к своим казакам: – А ну, ребята, сотворим залп!

Забайкальцы быстро изготовились, одновременно ударили выстрелы, которые смели набегавших по своему окопу китайцев. Вахмистр закинул короткую казачью винтовку за спину, вынул шашку и прыгнул в окоп. Под ногами хрустели и звенели стреляные гильзы, которыми дно было покрыто на ладонь – китайцы при обстрелах патронов не жалели. За вахмистром последовали еще двое казаков, а за ними – поручик Арсеньев. Вахмистр быстро побежал по окопу, зарубил кого-то, похожего на офицера, рванулся дальше. Казаки орудовали шашками в узком окопе на удивление ловко и бесшумно. По краям стучали винтовочные выстрелы – вдоль бруствера, пригнувшись, двигались солдаты-пограничники и другие забайкальцы, ведя огонь вперед наступающих по окопу, расчищая им дорогу. Арсеньев стрелял из своего револьвера экономно и точно, в тех китайцев, кто целился в вахмистра. Пост был очищен в течение нескольких минут. На площадке стояла старая пушка, рядом находился блиндаж, стены которого были выложены кирпичом, в нем оказался стол, койка, какая-то утварь... Видимо, это было помещение для офицеров. Воцарилась подозрительная тишина.

– Ваше благородие, прошу сюда...

Услышав тихий голос из-за тылового среза окопа, Арсеньев, с помощью казака, выбрался на поверхность. Зрелище, которое открылось его глазам, ужасало. На длинном шесте, освещаемая бледным рассветом, была укреплена обращенная к реке голова русско-

го солдата. Рядом лежало тело со следами жутких истязаний.

– Должно, Калинин... – сдернув папаху, перекрестился вахмистр.

Казаки нашли кусок брезента, завернули тело и голову. Больше никто из них не стрелял. С винтовками за спиной, извлекши шашки, они двинулись к поселку Сахалин. Пеший сабельный бой забайкальцев бывает коротким. Некоторые из китайцев, спешивших на помощь разгромленному посту, растерянно метавшиеся по поселку, не успевали даже вскрикнуть. А потом казаки, наскоро сделав факелы, темными тенями скользили меж строений, поджигая дома и сараи.

Сахалин был обречен. Пора было возвращаться к наспех перевязанному, бледнеющему подпоручику Юрковскому. Казаки сняли затвор с пушки, чтобы увезти с собой – для чего-нибудь да сгодится. И тут со стороны поселка, словно из пламени, показались человеческие фигуры, их все прибывало, пока не оказалось десятка с два. Солдаты и казаки изготовились к стрельбе, но люди враждебности не проявляли. Присмотрелись – русские...

Из-за их спин показался растерянный китайский офицер. Остановился, вытащил белый платок, махнул. Арсеньев, не выпуская из руки взведенного револьвера, направился к нему.

– Железная дорога. Гражданские, – на плохом французском сообщил подошедшему Арсеньеву китаец. Потом, явно стыдясь, козырнул и, придерживая саблю, побежал куда-то в сторону плавшего поселка. Он привел захваченных служащих Китайско-Восточной железной дороги, которых почему-то не отдал ихэтуаням, а решил передать русским.

У берега Арсеньев наскоро организовал оборону на случай атаки китайцев и послал казаков, с раненым подпоручиком и телом Калинина, за лодками для остальных. Переправа прошла спокойно. С русского берега было хорошо видно зарево догоравшего поселка.

Ранним утром 9 июля пароход «Сунгари», незамеченным пробравшись мимо китайских укреплений, пришел в Благовещенск. На борту было 1200 пудов артиллерийских снарядов. Капитан сообщил, что сверху по реке, задержанные летним мелководьем, идут транспорты с солдатами Читинского и Сретенского полков, запасных батальонов, батареей Забайкальского артиллерийского дивизиона, которые ведет генерал-майор Александров. Снизу по Амуру подходил отряд полковника Сервианова – еще один стрелковый полк, линейный батальон* и легкая батарея, усиленная двумя полевыми мортирами – орудиями для разрушения укреплений. По пути отряд был обстрелян с противоположной стороны Амура. Полковник Сервианов посадил часть своих людей на лодки и баркасы, переправился, сжег китайский пост, а потом переправился обратно и продолжал движение.

Вечером 19 июля в Благовещенске собрался военный совет, был оглашен приказ: «Неприятель на берегу Амура занимает город Айгунь, лежащий против района наших пограничных постов. Войскам в ночь на 21 число сего июля перейти на правый берег Амура, выбить противника из занимаемых позиций и занять город Айгунь».

Приказ был выполнен. С войсками отправился и поручик Арсеньев.

От Айгуня 1-й Нерчинский и Амурский казачьи полки при поддержке трех батальонов пограничников и артиллерии гнали китайцев до Хинганских гор. За ними поспевали остальные войска. После взятия русскими Хинганского перевала повесился губернатор Шоу Шань. В плен китайцев брали тысячами, приводили в негодность их винтовки и отпускали на все четыре стороны. Вскоре часть войск была возвращена в Благовещенск, а остальные направились далее, на КВЖД и Пекин. О своем участии в Благовещенском походе 1900 года Владимир Клавдиевич Арсеньев рассказывал мало. Но за этот поход он получил первый орден и специальную офицерскую серебряную медаль «За поход в Китай. 1900-1901 гг.».

Для выяснения виновных в «Благовещенской «утопии», как с грустным юмором называли горожане трагический эпизод на Амуре, военными властями было учинено следствие. Полицейстер Баторевич «за бездействие и нераспорядительность» был отставлен от должности. Строже всех был наказан «стрелочник» – помощник пристава, который «приказывал стрелять по китайцам». Он был уволен от службы без прощения и подвергнут аресту на гауптвахте на два месяца. Может, полицейский и приказывал, только стрелять-то было нечем... После этого прискорбного происшествия китайцам в таком количестве и на своих условиях жить в Приморье более не позволялось.

---

*Линейные батальоны – территориальные формирования, располагавшиеся в приграничных пунктах и использовавшиеся для поддержки сил Корпуса пограничной стражи.

4. КРЕПОСТЬ ВЛАДИВОСТОК

Владивосток был основан в 1860 году как военный пост, который получил статус города через 20 лет – в 1880-м. 30 августа 1889 года городишко был объявлен крепостью, о чем ровно в полдень того же дня возвестил выстрел пушки, втащенной на сопку Тигровую. Владивостокская крепость задумывалась как самое большое в мире и принципиально неуязвимое для атак с суши, моря и воздуха фортификационное сооружение. Крепость так и не была полностью достроена, но и обстреляна была всего один раз и без ощутимых последствий. Самим фактом постоянного строительства крепость оправдывала свое название – «владеть Востоком». То, что удалось построить, занимает более 400 квадратных километров площади на земле и под землей. Это 16 фортов, 50 береговых батарей, 8 обширных подземных казарм, сотня капониров и полторы сотни различных вспомогательных укреплений. Крепость-мечта, венец фортификационного искусства конца XIX – начала XX веков, постоянно жила своей жизнью: солдаты, китайские и корейские рабочие упрямо вгрызались в камни сопки и островов, вязали проволоками пруты арматуры, слой за слоем заливали бетон. Крепость должна была отразить натиск всего британского флота с его артиллерией и десантами, а также бесчисленные армии Китая; Японию как противника в серьез никто не воспринимал.

Крепость и город расположены на большом, окруженном горами, по-сибирски – сопками, полуострове, названном именем леген-

дарного губернатора Муравьева-Амурского и омываемом водами залива Петра Великого Японского моря. К полуострову примыкают около 50 островов, крупнейшим из которых является Русский, а также несчетное число торчащих из моря камней разной площади и пригодности к обороне. Расположенные на них укрепленные батареи препятствовали обстрелу города и крепости с моря.

Проблема удаленности от промышленных центров империи, нехватки строительных материалов и рабочей силы была накрепко увязана с постоянным недофинансированием работ. До полуострова на крайнем востоке империи нужно было два с половиной месяца плыть из черноморских или балтийских портов буквально через половину земного шара или двигаться огромной территорией Сибири через местами непроходимую тайгу и горы, не имевшие дорог. Первую задачу удалось решить позже, с пуском Транссибирской железнодорожной магистрали. Вторая задача, обчисленная в ценах 1883 года в невиданную сумму в 22 миллиона полноценных царских рублей, не была решена никогда. Правительство премьер-министра Витте, не без влияния иностранных банкиров, увлеклось обустройством взятых у Китая в аренду портов, военного Порт-Артура и коммерческого Даоляня, совершенно не пригодных для избранных целей, и прозванных русскими моряками Ненужным и Дальним. На Владивосток денег не хватало. Сошлись на том, что для строительства крепости следует выделять по 4 миллиона рублей в год, а там как Бог даст.

Но, наперекор всему, крепость строилась, вокруг города воздвиглись оборонительные сооружения небывалых, плавных обводов, плод передовой мысли российских инженеров-фортификаторов. Потом спохватились: куда стрелять-то будем? Владивосток и окружающие его горы время от времени заволакивали плотные туманы. Проблему решили просто: полторы тысячи пушек различных калибров при фактически неисчерпаемом количестве боеприпасов могли обстреливать каждую точку прилегающей суши и акватории вслепую. Весной 1893 года на пароходе «Москва» прибыла первая минная рота, моряки были готовы к постановкам подводных мин, поля которых, прикрытые береговой артиллерией, должны были поджидать вражеские корабли. Привезли и установили по берегам Золотого Рога невиданное чудо – десяток огромных электрических прожекторов, которые должны были освещать бухту для артиллеристов в ночное время.

22 февраля 1904 года отряд из пяти броненосных крейсеров японской эскадры приступил к обстрелу города – тому самому, первому и последнему. Русские упорно продолжали строить свою крепость, и тайны из расположения ее фортов не делали. Гордые морские самураи хорошо знали, где находятся русские береговые батареи, поэтому близко подходить боялись. Они стреляли из новейших английских корабельных орудий по городу и крепости целый час. В результате стратегической операции японского императорского флота в городе был случайно убит один обыватель, – обычных смертей от естественных причин ежедневно случалось

больше. И загорелся угол казармы 30-го Восточно-Сибирского полка, пожар солдаты тут же потушили. Русское командование почему-то предпочло никак не реагировать на операцию японцев, словно ничего и не было. В сущности, так и было – японские корабли, израсходовав боеприпасы, ресурс орудий и сжегши тонны угля, убрались откуда пришли и к Владивостоку более не приближались.

В 1900 году Великий Сибирский путь только что отстроился, и железнодорожная линия дошла до озера Байкал. Дальше Арсеньеву нужно было ехать на лошадях. Грязь от Забайкалья до Владивостока пришлось месить и молодой жене Анне Константиновне. Она вскоре родила сына Владимира. В начале августа 1900 года Арсеньевы прибыли во Владивосток.

Из-за огромной удаленности от центра империи многие владивостокцы вели себя, словно подростки, оставшиеся без попечения строгих наставников, среди русского и китайского населения процветали пьянство, опиумное курение, картежничество и проституция. Центральные улицы еще только отстраивались, журналы и газеты непосредственно в городе не издавались, культурное общество пока не сложилось. Вид города в начале был неприглядным. Супруга будущего путешественника окидывала испуганным взором огромную строительную площадку со скопищами фанз и землянок, в которых процветали всевозможные пороки. Казаки, от тоскливого куража, ходили на тигров с солдатскими винтовками со штыками: «Тут, в глуши, приволье для тигров, которые до сих пор еще нападают на домашний скот, но зато часто сами

попадают на штыки наших казаков-охотников», — записывал бродивший по этим местам будущий основатель анархизма русский князь Петр Кропоткин. Но поручик Арсеньев был в восторге и позже вспоминал: «К нам (в город) приходили разные туземцы Дальнего Востока собирать раковины, мидии, крабов, трепангов, «каменную кожу» — лишайники. А я был петербургский молодой человек и захлебывался впечатлениями».

Окраины раздираемой междоусобицами и иностранными вторжениями соседней Поднебесной империи, особенно в уссурийском приграничье, жили по разбойничьим законам. Банды хунхузов вторгались на российские территории, жгли деревни, даже в окрестностях Владивостока, грабили и закабалили местных аборигенов. «Хунхузы соединяются в шайки и ведут свои дела все лето, но не смеют оставаться в своих лагерях до снега, так как тогда было бы слишком легко выследить их, — свидетельствовал побывавший в этих местах знаменитый норвежский путешественник Фритьоф Нансен. — Поэтому они расходятся заранее, разделив между собой летний заработок». Контрабандой, производством и продажей дурманных зелий в Приморье верховодили главари тайных китайских обществ и общин поселенцев. В 1897 году все формы самоорганизации китайцев были запрещены как несовместимые с суверенностью Российского государства, но продолжали существовать в подполье.

Арсеньева зачаровывали окрестные горные вершины, по-

крытые густыми лесами и кустарником. А кругом, на все стороны хребта Сихотэ-Алинь, раскинулись неизмеренные и неучтенные версты, белыми пятнами ложившиеся на российские карты. Арсеньев понимал: эта картографическая слепота чревата будущими напастями, претензиями надменных китайских мандаринов* и подстрекаемой британцами наглостью другого дальневосточного соседа — Страны Восходящего солнца. Возможно ли защитить российский Дальний Восток, не имея детального понятия о его территории? Вот какой вопрос волновал офицера, находившегося в чине всего-то поручика.

Арсеньев быстро освоился с обстановкой и начал знакомиться с окрестностями строящегося города. Конечно, без террариумов и гербариев, любимых еще по Ломже, ему было бы тяжело. Но огромным террариумом, населенным удивительными существами для пытливого офицера стали земли вокруг Владивостока и простирающиеся дальше, почти без конца. Для начала поручик исследовал Тихую бухту в Уссурийском заливе, остров Русский, он взобрался на все горные вершины вокруг Владивостока. Встреча с коренным населением тайги и китайцами, ютившимися в разбросанных там и сям фанзах, наблюдения за их жизнью и хозяйственным укладом давали массу впечатлений и этнографических материалов, которые Арсеньев записывал и издавал, вдыхая в строящийся в диких местах город начала культурной жизни.

---

*Мандарин — русская версия португальского слова, обозначающего, по отношению к китайцам, «представитель власти», «чиновник». К виду фруктовых деревьев отношения не имеет.

Роты формирующегося 1-го Владивостокского крепостного пехотного полка три года морем, по железной дороге, а часто и пешком добирались на Дальний Восток, на марше получая пополнение и снаряжение, проводя расчеты с убывающими в запас, меняя названия и состав. В сущности, формирование полка так и не было полностью закончено – через некоторое время на его основе были сформированы два полка 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, позже развернутой в дивизию. Один из этих полков, 29-й Восточно-Сибирский, получил знамя 1-го Владивостокского Крепостного. То были знаменитые сибирские стрелки. Они носили папахи, были очень выносливы – приучены воевать в любых условиях местности и климата, и отлично показали себя в Русско-японскую и Первую мировую войны.

Поручик Арсеньев постепенно и настойчиво выстраивал свою служебную карьеру. Он старался получить такую должность, которая позволила бы ему сочетать службу с научными интересами. Арсеньеву всегда везло с высшим начальством – оно всегда, пусть не сразу, но отвечало на ожидания и стремления офицера, пылкий энтузиазм которого не мешал ему четко и аргументировано обосновывать свои цели. К тому же поручик Арсеньев имел отличную топографическую подготовку и явные способности к этому важному делу. Приамурское же начальство испытывало потребность в уточнении местности на картах и в сведениях разведывательного характера. 50-тысячный гарнизон крепости Владивосток находился на территории России, в некотором роде словно бы как на чужой

– столько было вокруг, да и внутри, китайцев, японцев, местных инородцев... Арсеньев оказался здесь очень кстати. Командир 1-го Крепостного полковник Орлов осенью 1902 года определил Арсеньева командовать полковой охотничьей командой, и бывать в тайге стало его служебной обязанностью.

В русской армии первые, еще не оформленные приказами, команды охотников появились в период Кавказских войн. Их задачей было добывать пищу охотой и отстреливать хищных зверей, что бродили вокруг полевых лагерей, – тогда это было серьезной опасностью. В 1886 году охотничьи команды были утверждены специальным приказом по военному ведомству. Согласно этому приказу, команды формировались при всех отдельных войсковых частях – то есть полках или батальонах, не более 4 человек на роту, эскадрон, сотню или батарею, для заведования каждой командой назначался офицер. Им было отведено два дня в неделю для особых занятий, предписывались послабления в караульной службе, на время выполнения задания выдавалось улучшенное питание, офицеру – казенная верховая лошадь, а солдатам – артельная повозка. Главные занятия команд – охота на хищных зверей, а в кавалерии – псовая охота командира и приезжающих в полк вышестоящих чинов, всегда были соединены с задачами по разведке сил противника и изучению местности. Там, где по местным условиям охотиться было невозможно, солдаты команды совершали длительные дневные и ночные пешие переходы, упражнялись в плавании, в управлении гребными и парусными судами. В военное

время охотники занимались почти только разведкой, часто за линией фронта. Для охотников было введено наружное отличие – зеленые нашивки на рукавах.

Топографическими исследованиями Дальнего Востока занимались капитан Невельской и, в 1860-е годы, штабс-капитан Гельмерсен. Самую большую работу проделал Пржевальский. В отличие от своих предшественников, он изучил не только северное побережье озера Ханка, но и западную и южную стороны, сделал промеры глубин нескольких впадающих в озеро рек. Пржевальский произвел съемку от бухты Находка до реки Тадуши, нанес на карту восточный склон хребта Сихотэ-Алинь, первым дал подробное географическое описание Уссурийского края. «Следуя без проводника, я всегда определял путь по компасу, карте и расспросам местных китайцев, – вспоминал путешественник, сожалея, что «во все время пребывания в Уссурийском крае не имел барометра и потому не мог делать определений высот, а на глаз, конечно, трудно судить в этом случае даже приблизительно». Пржевальский дал подробное описание местности, произвел глазомерную съемку, но не составил подробных карт. Через 30 лет за это дело, которое курировал Генеральный штаб Российской армии, взялся поручик Арсеньев.

Во времена Пржевальского более или менее крупные населенные пункты в Приморье были наперечет. На огромной территории юга края, помимо нескольких городских поселений и 12 деревень, существовали лишь военные посты, состоявшие из казармы для казаков и солдат, и укрепления. Отдельно стоящие китайские ман-

зы связывали тропы, сама собой образовалась единственная тележная дорога между горами и озером Ханка.

Когда сюда прибыл Арсеньев, русское население росло, деревни становились селами, вместо тропинок появлялись дороги. Село Шкотово, расположенное под Владивостоком, было одним из первых, куда он заехал. Поручик написал: «Пржевальский в 1870 году в нем насчитывал шесть дворов и 34 души обоего пола. Я уже застал Шкотово довольно большим селом». Места в округе были болотистые. Соседство с морем, неустойчивый климат, вызывавший наводнения и смену русел рек, частые весенние и осенние пожары постоянно изменяли ландшафт. Арсеньев писал: «Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой, они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь...» Карты Пржевальского и те, что были составлены другими офицерами Генерального штаба, нуждались в уточнении.

В полку открылась вакансия ротного командира, но Арсеньев отказался от повышения в должности. Ему должны были присвоить очередное звание штабс-капитана, но из-за отказа принять роту этого не произошло. Ровесники Арсеньева уже опережали его в чинах, но Владимира Клавдиевича это не огорчало. Офицеры говорили между собой, что у него есть какая-то особая стратегия и высокая протекция и что он вскоре «поскачет» по службе, обгоняя остальных... Действительно, штаб Приамурского военного округа рекомендовал полковнику Орлову не слишком ограничивать устремления

поручика, и Арсеньев пользовался определенной свободой.

Для вылазок он нашел себе проводника из местных крестьян-переселенцев Поликарпа Олентьева. Поликарпу было двадцать шесть, он был моложе Арсеньева, однако оказался опытным и выносливым охотником, отлично знавшим местность. Среднего роста, с русыми волосами и крупными чертами лица, Олентьев был неисправимым оптимистом – ничто, даже самые неприятные и опасные ситуации, не могло поколебать его веселого расположения духа. Только такие люди, убежденные в том, что бы Господь ни сделал, все к лучшему, и могли осваивать этот край, словно проверявший человека на живучесть и лишь потом открывавший прошедшим проверку свои богатства.

Арсеньев встретил его случайно. Поручик отправился из Владивостока в одиночку. Он всегда спрашивал местных жителей и крестьян, отыскивая наиболее короткие маршруты.

– За речку, ваше благородие? А пойдем, отведу, – радушно улыбаясь, ответил на вопрос поручика молодой крестьянин с мешком и охотничьим ружьем за плечами. На Арсеневе была куртка без погон, но Олентьев безошибочно узнал в нем офицера.

По дороге они познакомились. В 12-м часу ночи решили заночевать в тайге. Олентьев быстро соорудил шалаш, развел у входа дымный костер от комаров, они перекусили и улеглись спать. Но в один из первых же полевых выходов Арсеньева местная природа решила показать пришельцу из далекой туманной Ингерманландии всю свою мощь. Около трех часов ночи поднялась сильная буря.

Дождь падал на землю стеной. Шалаш быстро промок, костер оказался затушен, спрятаться было негде, и Олентьев решил двигаться к жилью.

Мокрые до нитки, охотники добрались до села Шкотова. Не то чтобы по дороге Арсеньев начинал впадать в отчаяние, но прибаутки Олентьева словно придавали ему сил. Перед рассветом они зашли в дом охотника-промысловика, приятеля Олентьева. Оказалось, что тот ушел на свою заимку. Наскоро обсушившись, новые приятели решили идти ему навстречу. Неустойчивый Поликарп довел Арсеньева до заимки, они нашли хозяина, который добывал дикого фазана. Арсеньев с Олентьевым к нему присоединились, но охота не удалась. Втроем они вернулись в Шкотово практически ни с чем.

Хозяин дома ворчал, но не в традиции сибиряков выгонять гостей из дома в непогоду. На дворе снова полил дождь, но Олентьев перед рассветом растолкал нового знакомого и потащил на болота, пострелять водоплавающих птиц:

– Для утей самая погода, сидят, не летают...

Молодой охотник оказался прав. Они набили много уток и, охваченные азартом, не могли остановиться до вечера. А вечером буря разразилась с новой силой. Стемнело до непроглядного мрака. Поликарп вел Арсеньева наощупь, узнавая дорогу лишь по мягкой, почти по сапог, грязи, в которую превратилась дорога – если выходили на твердую почву, значит, сбились, и приходилось снова входить в глинистую жижу. Через два долгих часа вдали сквозь потоки дождя, ложившиеся наискось под сильным ветром, забрезжили огни – это была почтовая станция.

Просторное помещение оказалось переполнено. Спасаясь от непогоды, сюда набились подрядчики, купцы, техники с заводов, ямщики и фельдшерица. В сенях стоял гроб – из-за разлива реки здесь задержались и похороны.

– Это ничего, ваше благородие. Что же, если помер, так на дворе ночевать? – шутил Олентьев.

Впрочем, поручику было не до соседей. Он нашел место у печки, как был, повалился на пол и мгновенно уснул. С рассветом сильный дождь не унялся, и когда он прекратится, никто даже не предполагал. Офицер и охотник, едва добившись «голового чаю», двинулись в путь. «В природе творилось что-то невероятное, – вспоминал позже Владимир Арсеньев. – Ливень не утихал. Сильные порывы ветра ломали сучья деревьев. Дорога шла через брод, воды было по грудь. Арсеньев оступился в мутном, бурлящем потоке и попал на самый стрежень. Подвешенные к поясному ремню добытые утки сыграли роль спасательного круга, не дали ему захлебнуться. Поручик ухватился за свисавшие над водой ветви, тут подоспел Олентьев, и они выбрались на берег. Собака Арсеньева Альпа сбила лапы и на берегу улеглась на землю, всем своим видом показывая, что идти дальше не может и намерена остаться здесь. Олентьев извлек из мешка рыболовную сеть, Арсеньев поместил в нее, как в узел, Альпу, взвалил на плечи, и, меняясь, охотники несли собаку до Владивостока. Последние версты дались нелегко, приятели еле волочили ноги, но Олентьев пасть духом не давал.

Таковыми вылазками поручик пока что только осваивался с окрестностями, с природой. В 1901 году Арсеньев был принят в

недавно организованное Владивостокское Общество любителей охоты. Публикации Арсеньева в журнале Общества стали одной из значительных примет культурной жизни города.

«В начале все поездки предпринимались мною по доброй воле, на личные средства, самостоятельно, на свой страх, часто в одиночку, с одним или двумя стрелками из числа желающих побродить по тайге, в горах, на воде», – вспоминал Владимир Арсеньев. Однако топографическая разведка оставалась одним из условий, обеспечивающих безопасность края. Находились военачальники, которые полагали, что сухопутье оборонять незачем – любой интервент в дремучих лесах, непроходимых горах и, в большую часть года, совершенно несудоходных реках сгинет и сам. Эта точка зрения не была совершенно нелепой и фантастической – не принимать в расчет крайне сложные природные условия было бы ошибкой. Однако в штабах возобладали более рациональные доводы.

Кто мог обследовать местность с пользой, не погибнув сам и не потеряв солдат? Начальство пришло к выводу, что только поручик Арсеньев, которого хлебом не корми, а подай командировку в самую непроходимую дебрь. Осенью 1902 года его уже официально направили по маршрутам Пржевальского, в 200-300-верстном радиусе, на восток – до реки Сучан и на север – до озера Ханка. Цель командировки указывалась в самых общих словах – «обследование Шкотовского района в военном отношении». Отряд состоял из шести сибирских стрелков, под выюки им выделили четыре лошади. Арсеньев позвал и Поликарпа Олентьева, который отозвался охотно.

Арсеньев, его солдаты и проводник дошли до хребта Сихотэ-Алинь, перешли на хребет Да-дянь-Шань, побывали в отдаленных поселениях Ивановка, Дмитровка и на южном побережье озера Ханка, повторив малую часть пути Пржевальского, однако последовательно уточнив его исследования. Топографические описания осложнялись тем, что одни и те же реки, географические объекты имели два названия, китайское и русское. В отличие от Пржевальского, барометр у поручика был под рукой, имелись и другие приборы для топографической съемки.

Сибирский крестьянин очень быстро стал для солдат настоящим товарищем, и не только из-за своего неистощимого балагурства. Однажды он жестом призвал окружающих к тишине и точным выстрелом через кусты убил маньчжурскую пантеру, опасного хищника, выслеживавшего вторгнувшихся на его территорию чужаков. Наравне с солдатами он дежурил по ночам у костра, а те без раздумий бросились ему на выручку, когда Олентьев, выходя из лодки-плоскодонки, неожиданно провалился в топь.

Отряд шел речной долиной, люди и лошади под вьюками находились на открытой местности. Поручик приотстал на сотню шагов – заносил в тетрадь схемы и записи. Когда у его ног взвился фонтанчик пыли и мелких камешков и через мгновение донесся отдаленный хлопок, он не сразу понял, что произошло.

– Ложись, ваше благородие! – крикнул ему один из сибирских стрелков Арсеньева.

Стреляли со стороны поросшего кустарником берега. Двое солдат бросились на землю, изготовившись к стрельбе, остальные,

имея двоих впереди с оружием наизготовку, бегом повели лошадей, чтобы укрыть за находившимся невдалеке скалистым выступом. Поликарп подбежал к Арсеньеву, повалил и уже через мгновение стрелял по кустам. Поручик достал свой револьвер, но стрелять было уже некуда, все затихло. Обследовав кусты, Олентьев указал на едва заметные следы и капельки крови. Он посерьезнел:

– Хунхузы. Теперь надобно идти сторожко...

С тех пор поручик Арсеньев всегда имел при себе драгунскую винтовку, короче пехотной и тем удобнее, однако незаменимую для ближнего боя.

С 1901 по 1903 годы поручик Арсеньев с охотничьими командами произвел рекогносцировку по рекам Суйфуну, Лефу, Даубихе, Сучану, Судзухе, Улахе, на озере Ханка и в Посьете, чертя схемы в одноверстном и двухверстном исполнении, при среднем темпе продвижения 15 верст в сутки. В некоторых экспедициях участвовали землемеры Уссурийской межевой партии – гражданская власть тоже хотела знать, какими землями она располагает и как возможно их использовать.

«Мне предоставлено было право брать в экспедицию неограниченное число стрелков и казаков из всех частей Приамурского военного округа, – вспоминал Арсеньев. – Я получил лошадей, седла, вооружение, походное и бивачное снаряжение, обувь, одежду, карты, инструменты, продовольствие, медикаменты, денежные средства, бесплатные проезды по железной дороге и на военных судах. Ни одно ведомство не могло бы так хорошо меня снарядить, как военное».

5. СТАРЫЙ ДРАКОН

Особый интересе Арсеньева вызывали приграничные территории с Китаем и Кореей. В Китае заканчивалось правление императрицы из Маньчжурской династии Цы Си, бывшей наложницы, женщины, коварство и жестокость которой могли соперничать лишь с ее упрямством, нежеланием предпринять шаги для модернизации ветшающей империи. Подданные называли ее Старый Дракон.

Круг академических интересов Арсеньева по необходимости расширялся. Приграничные территории с Кореей интересовали Арсеньева в связи с его исследованиями границ ледникового покрова и золотодобычи, между которыми он усматривал прямую связь. В одном из докладов, сделанном во Владивостоке, Владимир Клавдиевич указал: «С границей предполагаемого ледника точно совпадает южная граница золотых россыпей».

Поток золота на границе – дело государственное, однако в Санкт-Петербурге руки до него пока что не доходили. Путейский инженер Николай Гарин, будущий писатель Гарин-Михайловский, писал еще в 1898 году: «Из Маньчжурии в Китай ежегодно идет до 400 пудов золота. Откуда же эти 400 пудов на сумму до 8 миллионов рублей?.. Это наше золото. Если к этому прибавить до 5 миллионов рублей официальных, которые составляют излишек в нашей торговле по амурской границе с Китаем, в пользу Китая, то очевидно, что, пока мы заберем еще китайцев в руки, они во всех отношениях хороше от нас попользуются».

Обстрел новенького, только что отстроившего центральные улицы

Владивостока японцами произвел больше шока, чем жертв и разрушений. Однако городские обыватели быстро оправались, засели в ресторанах и принялись поздравлять друг друга с тем, что скоро мы японцев шапками закидаем. Как всегда медленно, с неохотой, словно заворочавшийся в своей берлоге медведь, Россия вступала в войну. В Приморье потянулись войска из центральных и западных губерний, несколько рот послал на новый театр военных действий и 14-й Олонецкий полк. Арсеньев с радостью приветствовал бывших сослуживцев, Станислава Казимировича Бялого, уже капитана, поручиков Константина Феофиловича Пландовского и Яна Юзефовича Калиновского. Но и сам Арсеньев в поручиках не задержался. Он был назначен командиром всех четырех охотничьих команд Владивостокского гарнизона, две из которых были конными, с производством в чин штабс-капитана и в должность батальонного командира. Служебная карьера, будто без его воли, складывалась удачно. Погоны штабс-капитана – четыре звездочки на одном просвете, капитанские – один просвет без звездочек, но офицеры в неофициальном общении часто обращались друг к другу «капитан». Основные военные действия проходили довольно далеко от Владивостока, в Порт-Артуре, на Ляоданском полуострове, но Арсеньев водил своих охотников на рекогносцировки с целью предупредить возможную высадку дозоров противника. Говорили, что однажды он в районе залива Святой Ольги сбросил в море японский разведывательный десант. Но главным объектом его

наблюдений оказались китайцы. Он скрупулезно подсчитывал изменения численности «отхожих» из своей империи в Россию китайцев. Выводил на чистую воду тайные общины китайских «хищников» – браконьеров и бандитов.

Однажды ночью, под проливным дождем, охотники принесли своего командира во Владивосток на руках – в стычке с китайцами он был ранен под ключицу, как когда-то в Благовещенске поручик Юрковский. В полевой сумке штабс-капитана нашлись два свитка с иероглифами – списки и устав одного из китайских тайных обществ.

Это время стало для Арсеньева сложным, но и значимым. Он всегда возвращался из «командировок» победителем, с новыми сведениями, разорив несколько разбойничьих гнезд китайцев. Однако жена, Анна Константиновна, измученная бесконечными и опасными отлучками мужа, не нашла в себе сил для дальнейшей совместной жизни. Их брак был быстро расторгнут владивостокским епархиальным начальством, хотя обычно в Российской империи на развод требовались годы – церковь старалась всеми силами, беседами, увещеваниями, рассмотрением обид и конфликтов сохранить брак.

Генерал-губернатор Приамурского края и наказной атаман Уссурийского казачьего войска Павел Федорович Унтербергер, несмотря на немецкую фамилию, происходил из давно обрусевшего дворянского рода Симбирской губернии. Он окончил Николаевскую инженерную академию и, начав службу в Иркутске, всю ее посвятил русскому Дальнему Востоку. Инженер-генерал Унтербергер был почти таким же энтузиастом освоения вверенного ему края, как и

штабс-капитан Арсеньев. В конце 1905 года по распоряжению генерал-губернатора Арсеньев был переведен в штаб Приамурского военного округа и прикомандирован к части генерал-квартирмейстера, отделу, в русской армии традиционно занимавшемуся разведкой. Перевод этот был формальным, административной работы Арсеньеву не поручали, штабс-капитан по-прежнему продолжал служить «в поле», с такими же, как он сам, охочими до приключений солдатами и проводниками.

По своей инициативе штабс-капитан изучал население Сучанской и Судзухинской долин, обследовал древние стоянки и археологические памятники. Его внимание привлекли удивительные наскальные рисунки в районе рек Майхе и Цимухе. Когда спадала вода, на огромных камнях по берегам рек открывались многочисленные изображения, выбитые на прибрежных валунах. Некоторые из них резко отличались от остальных – бородатые воины или боги в остроконечных шлемах, лады, напоминавшие славянские или северные, скандинавские... Отнести их к верованиям тунгусо-маньчжурских племен представлялось невозможным.

Война закончилась, и Арсеньев мог позволить себе археологические изыскания. Иногда солдаты развьючивали лошадей, ставили бивуак и брались за лопаты. Арсеньев записывал: «От старых насельников края осталось много памятников в виде валов, земляных укреплений, орнаментов, колодцев с каменной кладкой, дорог, выемок и т.д.» Штабс-капитан составил около 300 описаний древних поселений, городищ, рвов. Он тщательно наносил их на карты-схемы

и фотографировал. Возвращаясь из каждой командировки, он пополнял Хабаровский и Владивостокский музеи, почти две тысячи предметов, привезенных им, стали основой археологических коллекций.

Сколько на территории русского Дальнего Востока незаконно проникших китайцев, корейцев, японцев, никто не считал. Антон Павлович Чехов в 1890 году писал из Благовещенска в Петербург своему издателю Суворину: «Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух...» Премьер-министр Петр Столыпин в 1908 году, при рассмотрении сметы строительства восточного участка Транссибирской магистрали в Государственной думе, говорил: «Отдаленная наша суровая окраина богата золотом, лесом, пушшиной, громадными пространствами земли, годной для культуры. И при таких обстоятельствах, при наличии государства, густо населенного, соседнего... эта окраина не останется пустынной... Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то край... будет пропитан чужими соками... С общегосударственной, политической стороны надо признать, как важно для этой окраины заселение ее».

Весной 1906 года Унтербергер назначил штабс-капитана Арсеньева начальником большой экспедиции в дебри сихотэ-алинской тайги. Это была по-настоящему крупная затея, средств на нее не жалели. Арсеньев должен был обследовать прибрежный район Зауссурийского края к северу от залива Святой Ольги и к западу от основного водораздела – в системе истоков реки Уссури и ее притоков. Цель экспедиции была обозначена как «военно-географическая и, попутно, естественно-историческая».

В помощь Арсеньеву отрядили поручика 24-го Сибирского стрелкового полка Гранатмана и инженерного подпрапорщика Мерзлякова. Кроме того, из Владивостока напрямик в залив Святой Ольги отправился ботаник Пальчевский. В состав отряда также входили хорунжий Анофриев с четырьмя уссурийскими казаками и 12 нижних чинов Восточно-Сибирских стрелковых дивизий. С экспедицией Арсеньева переход от железнодорожной станции Шмаковка до залива Святой Ольги совершил начальник штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенант Рутковский, в составе отряда официально числился проводником гольд – нанец – Дерсу Узала.

Приамурский генерал-губернатор Унтербергер выделил на проведение экспедиции 3 тысячи рублей, войсковые части выдали на своих нижних чинов «кормовые деньги» в расчете на 6 месяцев. Большую помощь оказали командиры миноносцев «Грозный» – капитан второго ранга Тигерстедт, и «Бесшумный» – капитан второго ранга Балк. В заранее намеченные пункты на побережье Японского моря на военных кораблях были завезены необходимые грузы, сделаны склады продовольствия, моряки добавили из корабельных запасов мешки с сухарями, прикрыли склады брезентом и поставили вехи.

Был в перечне заданий пункт «Сведения о японских шпионах». Требовалось выяснить, «не заходили ли японцы в обследуемую местность, что делали, о чем выспрашивали, не проводили ли съемок топографических, откуда пришли, куда направились». В своем дневнике штабс-капитан Арсеньев оставил запись: «На реке Сань

Хо-Бэ есть китаец по фамилии Суй-Хуэн, который отлично говорит по-японски, ездит часто в Японию, живет там в течение нескольких месяцев, при появлении японцев в течение 10 лет постоянно является на их суда проводником и переводчиком, на паях ловит с ними рыбу в самих реках, уходя от устья вверх 1–2 версты. К тому же он отлично знает побережье и умеет делать съемки рек. Записная книжка со съемками и записями у него отобрана, а сам он арестован».

В 1911 году, уже при новом генерал-губернаторе Николае Львовиче Гондатти, штабс-капитан Арсеньев был с сохранением военного чина переведен в Уссурийскую межевую партию, а в следующем году его откомандировывают в личное распоряжение генерал-губернатора в должности офицера для особых поручений.

Это было время, когда становились на ноги и делали первые шаги особые службы Российской империи. В декабре 1908 года в Санкт-Петербурге прошло секретное совещание комиссии из чинов представителей Министерства внутренних дел, Генерального штаба и Морского генерального штаба по организации контрразведывательной службы. Впервые было сформулировано само понятие: «контрразведка, или борьба со шпионажем». С 1911 года на разведку на Дальнем Востоке ежегодно отпускалось до 25 тысяч рублей. Гондатти, первый гражданский генерал-губернатор Приморья, решил разобраться, кто населяет вверенную ему территорию, особенно районы, что еще вчера зияли на карте «белыми пятнами», где нет больших селений, дорог и можно найти лишь фанзы

пришлых из-за границы китайцев, охотничьи избышки да звериные тропы. Горы, тайга, глухомань – и огромные богатства.

Китайцы перебирались за Уссури и Амур из Сунгарийского края, куда из центральных районов Поднебесной империи ссылались преступники. Не звавшие семейного очага бродяги, «всякого рода негодяи, подозрительные личности, беглые и тому подобный сброд», как писал Арсеньев, чувствовали себя в слабо освоенном Приморье едва ли не хозяевами. Русских же «они считали вассалами и требовали от них дани».

Накануне летнего солнцестояния 1911 года от Владивостокского причала отвалил пароход «Трувор», который пошел вдоль берега, держа курс на север. Штабс-капитан Арсеньев и члены его экспедиции поднялись на судно после полуночи – было приказано отбыть, не привлекая внимания посторонних. Да и знакомым не говорили они ни о сроках командировки, ни о маршруте.

Арсеньев снова достал список, перечитал фамилии тринадцати нижних чинов полиции и лесной стражи, что были прикомандированы к его отряду. С каждым он успел поговорить, пригляделся за время сборов. Народ тертый, некоторые участвовали в японской кампании. «Надо бы еще раз растолковать им тактику действий, – думал Арсеньев. – Объяснить, что главное сейчас – избегать напрасных жертв. Самое сложное – отличать мирных китайцев от хунхузов. Ведь китайцы тоже страдают от бандитов. Но больше всего достается нашим переселенцам. Да и коренных жителей тайги давно уже хунхузы притесняют, а то и изгоняют со своих земель».

Стоя на палубе парохода, в ночи, Арсеньев вспоминал свои былые вылазки. Они казались ему беззаботными. Теперь же, когда экспедиции стали крупными, приобретали официальный характер, ему приходилось решать массу административных вопросов. В отряд входил и переводчик канцелярии губернатора Шильников. Малый дельный, китайский знает отлично. Но он – глаза и уши Николая Львовича Гондатти, так что лишних разговоров с ним лучше не вести. Удэгейца Сале Арсеньев выбрал в проводники сам. Местный, все тропы знает, в деле проверен. Инструкция генерал-губернатора была у Арсеньева с собой, две страницы машинописного текста, часть официальная и часть секретная. В открытом предписании местным властям говорилось: «Старший производитель работ Переселенческого управления штабс-капитан Арсеньев, в сопровождении студента Московского сельскохозяйственного института Бутлерова, отправляется на побережье Японского моря в район реки Нахтоху до залива Св. Ольги для выполнения возложенного на него особого поручения. Полицейские, волостные и сельские власти должны оказывать всякое возможное с их стороны содействие к успешному выполнению возложенной на них задачи, а также содействовать беспрепятственному проезду их в указанном выше районе путем предоставления за плату проводников, лодок, вьючных лошадей...»

В секретной части содержалась суть «особого поручения». Арсеньеву предписывалось собирать обстоятельные сведения о китайцах, живущих нелегально; выяснять, кто помогает хунхузам,

кто из них вооружен, их численность; нахождение мест производства опиума и его курения, а также азартных игр; задерживать подозрительных, при обнаружении контрабандных организаций арестовывать их главарей; также арестовывать бродячих китайцев, сжигать притоны хунхузов, разрушать их, описывать имущество арестованных; сжигать «спиртогонки», уничтожать китайскую водку, ловушки хищного – браконьерского – лова. Следовало выяснять, как складываются отношения между туземцами, китайцами и русскими, чем заняты живущие в этой местности, каковы их промыслы, как китайцы эксплуатируют инородцев, подбирать людей для слежки за хунхузами. Реквизированный опиум отправлять во Владивосток. Предупреждать китайцев, что после окончания сельскохозяйственных работ они должны покинуть Приморье, проверять документы честных китайцев, вернуть женщин мужьям, тазов считать коренным населением и дать им временные документы. «Акты и расписки составляет пристав и подписывают начальник экспедиции Арсеньев и двое понятых. Не ходить по китайским фанзам в одиночку», – завершалась секретная часть инструкции.

Как некогда Памирскому отряду, штабс-капитану Арсеньеву предписывалось практически в одиночку навести порядок в огромном, диком крае.

Донесения он отправлял с зафрахтованными военным ведомством судами, которые прибывали из Владивостока и уходили назад в заранее обговоренное время. На судах доставлялся провиант, их командам сдавали арестованных

хунхузов, которых до этого приходилось возить за собой. Разгрузив шлюпки с очередного парохода, отряд снова уходил от берега то лесными тропами, то продираясь сквозь непроходимую тайгу, и опять спускался по берегам речек к морю.

В августе с очередным пароходом Арсеньев направил генерал-губернатору секретный доклад на четырех страницах. В нем почти только цифры: задержано и этапировано 25 китайцев и 13 корейцев, уничтожено 3 тысячи браконьерских снастей только на соболя, много ловушек, загородей и других хищнических приспособлений. Штабс-капитан не забыл трех местных орочей* – Сунчая, Чона и Лагоды, которые «как ищейки, помогали нам, разбирали все следы и помогли поймать убегающих китайцев. Китайцы грозят убить орочей, когда выйдут на свободу. Орочи боятся и не хотят нам помогать».

В сентябре Арсеньев докладывал в Хабаровск из района реки Великая Кема: «Поход продолжается без дорог по горам. Чины полиции сжигают фанзы контрабандистов, а те грозят расправой». Арсеньев с начала похода понял – о его передвижениях сообщает китайский «беспроволочный телеграф». Понимая, что мгновенно это сделать невозможно, штабс-капитан Арсеньев все же просит генерал-губернатора начать наводить порядок на коммерческом флоте. Он докладывает, что китайские и корейские матросы на судах, обслуживающих экспедицию, предупреждают браконьеров по пути следования, и усилия по поимке последних

приносят мало пользы. Даже на походе штабс-капитан Арсеньев ссылается на документы, он пишет: «Согласно статье 197 Устава Торгового, на русском судне дозволяется иметь иностранных матросов не более четвертой части. Законом... от января 1911 г. разрешено временно... иметь иностранных подданных в количестве, не превышающем половины численности всего экипажа на данном судне... Но когда пришел очередной пароход, это были, естественно, сплошь китайцы! А уж они-то своих оповещали о малейших действиях властей, грозящих их собратьям, внедрившимся в русскую почву... Все перемены и мероприятия правительственных центральных учреждений в крае, касающиеся китайцев и даже меня лично, я узнавал от китайцев раньше, чем получал почту!»

Арсеньев все еще верил в гуманное разрешение китайского вопроса: он предлагал ловить китайцев и переселить их из лесов, где они хищничают, в «рабочие поселки» и приспособить к делу: работе на заводах и в рудниках.

18 октября в донесении Николаю Львовичу Гондатти Арсеньев делает огорчительный вывод: осуществляемые им меры недостаточны. Его команда «бьет по вершкам», а «корешки» находятся не в тайге и побережье, а в городах Приамурского края, именно там осели главари. «В настоящее время нет ни одной деревни, в которой не было бы китайской лавки. Лавки эти не есть самостоятельные торговые единицы. Получая из городов от главных фирм лежащие товары и всякую заваль, они

---

*Орочи – коренная народность Приморья, область расселения – бассейн Амура и склоны Сихотэ-Алиня.

успешно сбывают ее по высокой цене в провинции как за наличные деньги, так и в обмен на предметы охоты, даже на овощи, зерновые продукты. Свидетельства на право скупки пушнины китайцам выдает Владивостокская городская управа. Какое отношение городская управа имеет к пушному промыслу во всей Приморской области, сказать трудно!.. Под личиной торговца... всегда скрывается хищник... Из Сучанского, Судзухинского, Шкотовского прибрежных районов китайцы постоянно отправляют свои шаланды на городской рынок с мехами, опиумом, оленьими жилами и хвостами, со шкурами зверей, овощами, зерном, дровами, табаком, морской капустой... Доставленные в город грузы эти немедленно забираются торговыми фирмами и пускаются в оборот... Со свойственной китайцам способностью организовываться для поддержки друг друга уссурийские манзы в городах... образовали общества, которые имеют здесь и политическое значение». Арсеньев перечисляет населенные пункты, в которых он побывал и где существуют отделения таких обществ: «пост Св. Ольги, поселения на реках Сучане и Имане, Шкотово, Посъет, Барабаш, Новокиевск, Черниговка, Спасск, Лутковка, Анучино. Везде, где есть китайские лавки. Из своей среды они выбирают правление... имеют свою полицию, через которую они держат в своих руках все инородческое население, всю торговлю и таксируют цены на все предметы первой необходимости и звериный промысел». Одну из целей этих обществ Арсеньев определяет, как «в экономической

борьбе создать противовес русским... В нужный момент эти организации все сразу объединяются... и тогда выступают как компактная сила объединенного общественного мнения, с которыми русским властям приходится считаться. Многочисленные китайские ассоциации, которые разбросаны по всему Уссурийскому краю, являются автономными ответвлениями тайной и внешней политики Китая... Есть только один исход – это разрушение всяких политических и торговых китайских ассоциаций. Китайцы захватывают край экономически, а потому способ борьбы с ними должен быть тот же самый!» В докладе генерал-губернатору Арсеньев предлагает, как ему казалось, справедливый путь: «Надо обрусить тазов*, которые сейчас окитаиваются. Китайцы играют на чувствах тазов, прилаживают их к себе, оказывают им тысячи мелких услуг... Тазы на последние гроши выписывают китайских учителей, ставят китайские школы. Печально для России, лучше бы русские школы».

Будучи в чине штабс-капитана, каких в Российской армии было тысячи, Арсеньев советует сановнику империи, генерал-губернатору огромного края, как улучшить положение «лесных людей». Наделить тазов землей наравне с русскими крестьянами, селить их «по две-три семьи среди русских, которые должны понять, что тазы свои, что они за Россию и им необходимо помогать, чтобы было равенство. Пока то, что мы им даем: ружья, порох, пищу голодающим – это слабые меры. Нужны инородческие фактории, поселки». Он пишет о необходимости выдавать

*Тазы – народность русского Приморья, метисы китайцев и удэгейских женщин.

инородцам документы, удостоверяющие личность, «на парусине, так как бумажные быстро рвутся». И добавляет: «Эти билеты дадут им чувство, что они местные жители, а не пришлые, не китайцы, с которыми мы боремся».

Полиция не только сжигала стоянки браконьеров. Вместе с приставом* Заольгинского стана Михайловым Арсеньев произвел поголовную перепись аборигенного населения, живущего на морском побережье севера Уссурийского края, от бухты Терней до мыса Золотого. Перепись показала Арсеньеву, в каком бедственном положении находятся местные жители, о чем он и доложил по начальству: не имея собственной земли для хлебопашества, они были вынуждены вернуться к бродячему образу жизни...

В рапорте в октябре 1912 года Арсеньев возвращается к более раннему эпизоду. «Доношу, что перечисленные в списке тазы и китайцы, кроме Сын Тянхина, участвовали в уничтожении шайки хунхузов на реке Тадушу и достойны награды... Предлагаю наградить всех тазов (в списке 5 человек) и только двух китайцев, которые особо отличились – Ли Цын-зян и Цуй Хэ-сянь. Дать им деньгами по 5 рублей. Задержал эти сведения из-за стычки с хунхузами». И тазы, и даже китайцы помогали русскому офицеру в борьбе с бандитами-хунхузами. В секретной смете Арсеньева отдельной строкой значится: «250 руб. на разведку и тайную агентуру». Генерал-губернатор в этом

шел своему офицеру для особых поручений навстречу, он издал приказ «о награждении серебряными медалями со станиславовской лентой «За усердие» старост Миликко и Аоко и коряка Тыкалло за помощь русской экспедиции». В феврале 1913 года Арсеньев просит Гондатти: «Дайте 350 рублей для награды лесникам и городovým за отличную службу во время экспедиции на хунхузов. По 50 рублей на городского и по 25 на лесничего»...

Поздним вечером у костра, над берегом терявшегося в темноте залива, пожилой китаец рассказывал штабс-капитану Арсеньеву о духах китайских гор. Издавна императорские чиновники вместе с народом приносили бескровные жертвы духам горы Богдо-Ула на Тянь-Шане, в западном Китае. Церемония называется «Возжигание жертвенного костра на Красной вершине». Там построен храм горного духа Дуньюэ, китайцы просят духа о сохранении и благоденствии своего царства и обещают свято хранить, не разрывать на части двуединую сущность природы и человека. Богдо-Ула – одна из пяти священных гор Поднебесной. Под монотонный рассказ китайца взгляд Арсеньева словно проникал мрак, рисуя ему далекие вершины. А за ними открывались пути на Бенгальский Залив и Аравийское море, к берегам Северной Африки, где, в его воображении, горячие ветра расправляли русские флаги.

До начала Великой войны оставался всего лишь год с небольшим.

---

*Становой пристав в сельской местности – полицейский офицер, должность которого сравнима с должностью частного пристава в городах или начальника районного отдела внутренних дел в современной России.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В истории взаимоотношений России и стран Запада преобладают длительные периоды конфронтации, время от времени переходящей в горячую фазу. Показательный пример – время возвращения Прибалтики, как говорят историки, «долгий XVI» век, или Ливонская война. Современный исследователь А.И. Филюшкин отмечает, что в русских летописях и документах начала Нового времени никакой Ливонской войны нет. В Москве считали, что война с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским продолжается с 1487 года, перемежаясь лишь короткими перемириями. Вскоре после Батыева нашествия русский летописец оплакивал времена Киевского князя Владимира Мономаха, когда «литва из болота на свет не выкиваху» – не поднимала головы из своих болот. Однако, воспользовавшись катастрофическим ослаблением Руси, поляки и литовцы заняли исконные русские земли. На переговорах в Вильно в 1549 году московским послам, ссылавшимся на «старину», было заявлено буквально следующее: «То суть речи давные, а тот столец Киев есть и будет, дал Бог в моцы (с Божьей помощью. – *С.Ш.*) в руках и держаньи его Королевское милости». То есть польско-литовская сторона признавала, что когда-то это были русские земли, но по праву силы они отняты, и говорить об этом, за давностью времен, ни к чему.

Историк В.В. Пенской, соглашаясь с Филюшкиным, пишет: «Эта кампания не закончилась в 1583 году, а продлилась еще столетие». Ученый выделяет несколько этапов: «пограничная» война 1486 – 94 гг., войны 1500 – 03 и 1507 – 08 г., 1-я Смоленская, Страдубская, Полоцкая войны, Московская, или Баториева война, войны 1579 – 82 гг., 1609 – 18 гг., 2-я Смоленская война, и наконец, Тринадцатилетняя война, завершившаяся в 1667 году Андрусовским перемирием, а затем, довольно неожиданно, и миром. Мы специально приводим здесь эти даты, чтобы наглядно показать, насколько краткими были периоды мира на протяжении почти двух столетий. То же можно сказать и о других временах, начиная от Александра Невского и его отца Ярослава Мудрого и до нашествий на Россию Европы почти всем списочным составом: война с Наполеоном, Крымская война, обе мировые... После Второй мировой – для нас Великой Отечественной – войны установился порядок, который теперь подвергается пересмотру со стороны ведущих стран Запада. Такие договоренности не могут быть вечными, но почему жертвой их изменений должна быть именно Россия, понять невозможно.

На азиатском направлении у нашей страны дела обстояли ровно наоборот.

В 1647-1652 годах Амуром прошел Ерофей Хабаров и основал Албазин городок – неподалеку от современного Благовещенска. Городок

развивался, по притокам появлялись «острожки», деревни и слободы. В 1652 году полторы сотни казаков Хабарова разогнали двухтысячный маньчжурский отряд, и наместник Маньчжурии принял решение о том, что пора докладывать по начальству. Вот как рассказывает о дальнейших событиях военный историк Борис Глебович Галенин в книге «Цусима. Знамение конца русской истории»: «Богдыхан, в простоте своей не подозревавший о существовании такой реки и совершенно не интересовавшийся до тех пор холодным и пустынным севером, подумал сначала, что дело идет о Сунгари. Находчивые пекинские царедворцы доложили, что его величество не ошибается в названии рек, но что Сунгари имеет еще один приток, текущий севернее Хинганских гор и называемый тунгусами также Амуром. Результатом доклада было приказание: маньчжурам не ходить по Сунгари севернее Хинганской теснины и не пускать к себе русских на юг. На тот момент это был бы для нас почти идеальный вариант». Однако позже китайцы всполошились, и из столицы пришло приказание отогнать русских как можно дальше. В 1685 году 18-тысячная маньчжурская армия с 60 орудиями подошла к Албазину. Борис Галенин: «Плохо снабженные огнестрельным оружием и боевыми припасами албазинцы, всего 450 человек, под руководством воеводы Алексея Толбузина, стойко выдерживали жестокую бомбардировку, пока деревянные стены не были превращены в щепы, а затем вынуждены были вступить в переговоры и с оружием в руках отошли к Нерчинску. В июле в Нерчинск прибыл специально сформированный в Тобольске для защиты даурских острогов шестисотенный полк во главе с енисейским сыном боярским Афанасием Бейтоном, часть этого полка Нерчинский воевода стольник Власов тотчас отправил на албазинское пепелище. Осенью того же года на месте Албазина был возведен новый острог, но уже не тыновый, а единственный в Сибири деревянно-земляной, бастионного типа.

Где Алексей Ларионович Толбузин успел обучиться европейскому фортификационному искусству, пока неизвестно. За крепостным валом уже следующей весной зеленели вспаханные и засеянные вернувшимися на свои пепелища жителями поля! Необычайное упорство русских в бою и способность их к бесконечному возрождению начали внушать Пекину суеверный страх. Наиболее даровитый из сидевших на китайском престоле маньчжурских императоров Канси дал повеление отнять у нас Амур во что бы то ни стало. И вот в июне 1687 года маньчжурская 8-тысячная армия при 40 орудиях снова подошла к Албазину. Снова 736 албазинцев при 6 орудиях сожгли свои дома за крепостью и зарылись в землянки. Острог успешно выдержал новую осаду маньчжурских войск».

Маньчжуры выстроили рядом свой острог, но албазинцы одну часть стены сожгли калеными ядрами, другую подорвали. Тогда осаждавшие обнесли свой стан земляным валом и, разместив на нем орудия, открыли огонь. Вскоре они предприняли попытку штурма, но были отброшены с огромным уроном.

Воевода Толбузин был смертельно ранен ядром, и командование принял выходец из Пруссии Афанасий Иванович Бейтон, служивший в России сравнительно недавно. Маньчжуры, узнав о гибели воеводы и о цинге, предложили защитникам сдаться. Император Канси направил им

личное послание, в котором, между прочим, писал: «...и те ваши люди сдались на мое имя, и я их много пожаловал и ни единого человека не казнил». Пруссак Бейтон ответил: «Мы, русские, в плен сдаваться не привычные». Маньчжуры приступили к планомерной осаде. Защитников города оставалось 66 человек, противник знал об этом, но на штурм не шел.

В это время в Нерчинск прибыл царский стольник Федор Алексеевич Головин с задачей замирился с Китаем. Услышав о приближении Головина с охраной из десятка стрельцов, маньчжуры бежали от Албазина на 500 верст в свой Айгунь. Борис Галенин: «После усердных заверений о миролюбии маньчжуро-китайцы вооружили, чем Конфуций послал, 10 тысяч сброда и с «грозным отрядом», поминутно оглядываясь назад, двинулись к Нерчинску. Движение этого сбродного отряда к Нерчинску и вошло в анналы истории под названием «военной демонстрации со стороны Китая», решившей судьбу переговоров. Под угрозой атаковать Нерчинск китайские уполномоченные заставили чувствовавшего себя точно в плену Головина подписать печальной памяти Нерчинский договор, согласно которому Россия должна была отказаться от всего, принадлежавшего ей по праву открытия, Амурского бассейна. Усилиями московских властей, Великая Китайская стена была как бы вырванным из старой лампы джином или, раз уж речь идет о Китае, престарелым драконом – перенесена на 2500 верст на Север, на Становой хребет. И эти более 2500 пустых, никем не защищенных километров были пугалом русских властей до 1851 года», – пока капитан Невельской на свой страх и риск вновь не поднял российский флаг над Амуром.

Русские шли до границ Поднебесной империи, словно делая крюк через якутский север. Это движение не могло обойтись без потерь. Борис Галенин указывает: «Из 132 участников научно-разведывательного Даурского похода воеводы Василия Пояркова чуть живыми вернулись в Якутск 30 человек. От сотни с лишком спутников Федота Попова-Холмогорца, впервые прошедших проливом между Старым и Новым Светом, выжили 15. Из 177 – письменно подтвержденных! – морских походов по Ледовитому океану, имевших место с 1633 по 1689 годы, две трети оставили после себя лишь безымянные кресты на кромке ледяной пустыни. Недаром сибирская поговорка гласит: «Под кем лед трещит, – а под кем ломается»... Но также скажем, что бесконечно меньше эти потери не только потерь в Северной войне со шведами, но в одной только Крымской авантюре Василия Голицына, правителя при царевне Софье». Добавим к этому невиданный дотоле ни на Руси, ни в Европе Полоцкий поход Ивана Грозного на запад. Лишь ядро царского войска состояло от 45 до 50 тысяч «сабель и пицалей», а послужильцев – военных слуг, у каждого сына боярского обычно от 1 до 5 – сосчитать тогда так и не смогли. А еще наряд – пушки всех калибров, в том числе «ушатые» осадные мортиры, и именные пушки (мастера) Семенова, Орел, Медведь, Тортуна, кидавшие ядра в 20 пудов, и пушкари. А еще обозы, конюхи, походный двор царя, Коломенский епископ с причтом и всем, необходимым для богослужения... Эта огромная махина зимой 1583 года тащилась «одною дорогою», в Великих Луках, откуда выступало войско, сразу сделался «из города в острожных воротах затор велик»,

который Иван сам и расталкивал. Летописец говорит: «Ездя же царь и великий князь со избранными своими по всем воеводским полком сам и в заторех людей... велел разбирати и пропускати каждого в свой полк, да не смешаются люди в ыных полках...» После долгих и неудачных уговоров о сдаче и обстрела «без опочивания и день и ночь» Полоцк, конечно, был взят. Иван с блестящей свитой, со своим епископом и привезенным с собою «пречюдным образом пречистые Богородице Донские и с ыными образы чюдотворными и с честными кресты» вошел в православный собор Святой Софии в Полоцке. После молебна он устроил пир, на который был великодушно зван и сдавшийся комендант Довойна со своими военачальниками... Но злосчастная Ливонская война закончилась тем, что Иван IV под конец жизни отдал все исконные земли, что отвоевал неимоверными усилиями и потерями, и его сыну, Федору Иоанновичу, пришлось отвоевывать сызнова, и так без конца. Это лишь два примера движения России на Запад и в противоположном направлении, встречу Солнца. История дает и более наглядные, личные примеры. Во время советско-польской войны, в августе 1920 года Ломжу на недолгое время заняли части Западного фронта Красной Армии, которым командовал потомок бывшего командира Олонцкого полка «красный маршал» Михаил Тухачевский. Как и его предку, в Варшаву ему войти не удалось, но хоть жив остался...

Взаимоотношения России и азиатского гиганта – Китая – безоблачными не назовешь. Однако конфликты у Албазина городка, боевые действия русских войск в Пекине – выражение «взятие Пекина» было бы не вполне корректным исторически и политически, пограничная стычка, названная в повести «Капитан Арсеньев» «Благовещенской утопией», история с островом Даманский и другие эпизоды противостояния не идут ни в какое сравнение с теми катастрофическими проблемами, которые принесли России взаимоотношения с Западом.

К вопросу о Даманском: последние изменения в Конституции России, одобренные всенародным голосованием и касающиеся, среди прочего, невозможности отторжения территорий, особенно актуальны. Но они не означают, что граница не может быть передвинута вовне. Здесь стоит прислушаться к высказыванию президента России Владимира Путина о том, что бывшие советские республики, выходя из СССР, словно по забывчивости, прихватили с собой и территориальные подарки от русского народа. Это наши соседи по пространству и по историческому процессу, и взаимопонимание так или иначе будет найдено. Иное дело – заморские «партнеры». Территориальные вопросы в их отношении могут заставить их задуматься. Борис Галенин предлагает «Список исконных русско-американских земель, отторгнутых у нас в феврале 1825 года англо-американским империализмом». И прибавляет: «А то начнут еще сдуру требовать назад одну лишь Аляску!» Проданная позже ни за грош Аляска была, дай бог, лишь третьей частью русских владений в Америке. Итак, с севера на юг. «Требования к Канаде невелики: пусть возвращает Юкон и Британскую Колумбию и продолжает мирно разбираться со своими Квебеками. Огласим теперь список по США: справедливой компенсацией... представляется возвращение в русское подданство территорий, на которых расположены в настоящий

момент целиком или частично штаты Орегон, Вашингтон, Айдахо, Невада, Юта, северная часть Калифорнии, Нью-Мексико и западная часть штата Вайоминг. Ну и Гавайи, конечно. Попользовались нашим Перл-Харбором, и будет. А чужого нам не надо. Детали уточнят и согласуют специалисты на соответствующей конференции. Возражения о том, что с 1825 года там возникли значительные материальные ценности, не могут быть приняты во внимание, поскольку очевидно подходят под понятие недополученной нами с этих территорий и земель выгоды. То, что при этом под русский контроль перейдут такие объекты, как ядерный полигон в штате Невада и площадки ракет стратегического базирования в Скалистых горах, послужит гарантией отныне действительно нерушимой русско-американской дружбы». Прибавим к этому объявленную российской в 1820 году 100-мильную прибрежную зону от Берингова пролива до Сан-Франциско. Как известно, в каждой шутке есть доля правды. В этой связи историк приводит высказывание генерала де Голля: «Будущее длится долго...»

Но вернемся из светлого будущего к началу XX века. При всех бесконечных территориальных уступках Маньчжурия и Корея были русскими протекторатами, Порт-Артур и Дальний находились в аренде у России, и отношения с Китаем были в целом, по большому счету, нормальными. Злоупотребления с китайской стороны происходили, главным образом, от слабости китайской власти. Однако русские мещане и рабочие, зажиточные крестьяне пили настоящий китайский чай, который ныне стал экзотикой, и пользовались другими качественными товарами по сходной цене.

Многие думающие русские люди – здесь мы применяем определение «русские» без национальных характеристик – начинали осознавать, что достижение государством своих целей гораздо целесообразнее через путь на восток. *Oriente lux* – «С Востока свет»! Это латинское изречение приводит историк Борис Галенин. Высказывание можно перевести и буквально: свет проливается со стороны восхода.

Одним из убежденных «восточников», если можно употребить такой термин в противовес определению «западники», стал Владимир Клавдиевич Арсеньев. Отец его был незаконнорожденным сыном «...дворовой девки Агриппины Филипповой» и тверского мещанина Федора Ивановича Готмайера, который наверняка звался Фридрихом Иоганновичем или как-то похоже. Как рожденный вне церковного брака, Клавдий получил фамилию по имени крестного отца – некоего Арсения Тимофеевича. Начальное образование Владимир Арсеньев получил в пансионе сестер Целау, в его характере, наряду с увлеченностью, чувствуется немецкая педантичность и целеустремленность. Повесть «Капитан Арсеньев» посвящена, в основном, становлению Владимира Клавдиевича как дальневосточника, превращению его юношеских увлечений описаниями путешествий в целенаправленную работу по укреплению русского Дальнего Востока как базы для дальнейшего развития державы.

Арсеньев отказался от поступления в Академию генерального штаба – от мечты множества гарнизонных офицеров. Требования к поступающим были довольно высоки, помимо прочего, в академию не допускались «офицеры косноязычные, заикающиеся, страдающие глухотой и

одержимые вообще физическими недостатками, а равно офицеры, вовсе не умеющие ездить верхом». Эти устаревшие артикулы препятствием для Арсеньева быть не могли, его ждала карьера генштабиста. Однако Владимир Клавдиевич предпочел ей практическую деятельность.

Об участии Арсеньева в Благовещенском походе в Китай известно мало. Русские войска вел генерал Ренненкампф, во время Первой мировой войны показавший себя не с лучшей стороны – как будто вдруг подменили человека. То же можно сказать и о Куропаткине, который в Русско-турецкую войну, в среднеазиатских походах – способный и храбрый военный, а в Русско-японскую вдруг сделался бездарным и нерешительным... Эти вопросы еще ждут ответов, новых исследований... Точных документальных подтверждений того, что Арсеньев совершал вылазки в Китай и Корею, брал «языков», принимал участие в вооруженных стычках и даже отражал японский десант в районе залива святой Ольги, нет. Однако в послужном списке штабс-капитана Арсеньева числятся награды: орден Св. Анны 4 степени в 1904 году, орден Св. Станислава 3-й степени и орден Св. Анны 3-й степени в 1905-м. Видимо, военные заслуги у Владимира Клавдиевича имелись. Уже после перевода в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа, его догнал Станислав 2-й степени – награда была вручена в 1906 году. Документы на награждение подаются заранее, и можно предположить, что и этого ордена он удостоен не за штабную работу, а за какую-то другую, относящуюся к периоду службы во Владивостокской крепости.

Русский философ Георгий Петрович Федотов писал, имея в виду длительный период политической зависимости Руси от Орды: «В татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского лица... Поражает больше всего... его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивления. Без громких военных побед, даже без всякого воинского духа – в Москве утасла киевская поэзия военной доблести, – одним нечеловеческим трудом, выдержкой, более потом, чем кровью, создал москвитянин свою империю. В этом пассивном героизме, неисчерпаемой способности к жертвам была всегда главная сила русского солдата». Побольше бы нам таких офицеров, как штабс-капитан Арсеньев, воевода Бейтон, генералы Скобелев и Комаров. И поменьше таких, как Куропаткин и Ренненкампф, сдавший Порт-Артур Стессель, исследователь Дальнего Востока – но и основатель анархизма – Кропоткин...

О длившемся около шести месяцев походе 1906 года, как и о второй экспедиции в области, лежащие «белыми пятнами» на карте Приамурской области, продолжавшейся с июня 1907 по январь 1908 годов, и о третьей, 1908 – 1910 годов, по северным районам Приамурья, самой длительной и тяжелой, Арсеньев рассказал в своих книгах «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня». Но более других сочинений Арсеньева о его практической работе говорит книга «Китайцы в Уссурийском крае». В одном из писем автор досадовал: «Книжку печатали ровно год! Это при условии, что я, как говорится, стоял «над душой». В этой работе он повторяет и дополняет доклады генерал-губернатору Гондатти, первому гражданскому и последнему

по счету генерал-губернатору Приамурья: «Со свойственной китайцам способностью... сорганизовываться для... поддержки друг друга уссурийские манзы... в городах... образовали общества, которые имеют здесь и политическое значение. В нужный момент эти организации все сразу объединяются... и тогда выступают как компактная сила объединенного общественного мнения, с которыми русским властям... приходится считаться. Многочисленные китайские ассоциации, которые разбросаны по всему Уссурийскому краю... являются автономными ответвлениями тайной и внешней политики Китая... Есть только один исход – это разрушение всяких политических и торговых китайских ассоциаций. Китайцы захватывают край экономически, а потому способ борьбы с ними должен быть тот же самый!»

В статье «Русское в Китае. О жизни и наследии наших соотечественников в Поднебесной» современный русский писатель Евгений Анташевич делится таким наблюдением: «Много странного в китайском отношении к русскому. С одной стороны – объятия первых лиц, декларация того, что мы стоим друг к другу спина к спине и друг друга не боимся. И одновременно историческая отсылка, мол, в начале XX века «два империалистических хищника делили нашу территорию», имеется в виду Русско-японская война и русское и японское военное присутствие в Маньчжурии. Тут глубоко зарыты странности. Маньчжурия не была коренной китайской территорией, она являлась личным владением маньчжурской династии Цин, завоевавшей Поднебесную и после этого в течение двухсот шестидесяти лет правившей ею. Китай заканчивался пограничным городом под названием Шанхайгуань (не путать с Шанхаем, это разные города), от которого на восток в глубь континента уходила отделяющая Поднебесную от «варваров» Великая Китайская стена.

Ситуация начала меняться, когда Китай подвергся жестокой колонизации Запада, а с востока потянулись пороховые дымы с Японских островов. Тогда китайцы вспомнили о русских, и началось строительство КВЖД на основании добровольного, двустороннего и равноправного договора, в котором было сказано: «желая укрепить счастливо установленный на Дальнем Востоке мир и охранить Азиатский материк от нового чужеземного вторжения, [две стороны] решили заключить между собой оборонительный союз». Этот договор имел только одну направленность, он был направлен против Японии. Не против Америки или Англии, а только против Японии, что свидетельствует о невмешательстве России в дела Китая. Япония была врагом обоих государств. Договор подписали 6 июня 1896 года на 15 лет, и надо же было такому случиться, что ровно через 15 лет, а именно, 10 октября 1911 года Синьхайская революция смела Цинскую маньчжурскую династию, Маньчжурия автоматически потеряла свой особый национальный статус и превратилась в территорию Китайской Республики. А дальше дело заключалось в формулировках: китайская пропаганда прежнего идеологического периода объявила, что за «китайскую» территорию «дрались два капиталистических дракона», что это не соответствует духу и букве российско-китайского договора от 6. 06. 1896 года. А когда договор закончился, даже если и был автоматически продлен в соответствии с п. 6 за 6 месяцев до окончания его действия, то того государства, с которым

Россия его подписала, больше не существовало, а через 6 лет не стало и той России. В 1932 году Япония захватила Маньчжурию, в 1937 году ударила по приморским провинциям Китая. А в 1945-м СССР выбил японцев с лица китайской земли и подарил коммунистической Поднебесной все, что русские построили, и добавил еще 156 промышленных объектов. Поэтому нынешнему Китаю не в чем обвинять ни царскую Россию, ни СССР, ни Россию вообще.

Но это не так. Хотя открытой, откровенной антирусской пропаганды нет, но... В этом «но...» многое заключено!

Иностранец для китайца почти рыжий клоун. Любой, они по внешнему виду не разбирают, кто француз, а кто русский, особенно в глубинке. Китаец всегда вам искренне улыбнется, сделает приветственный жест, только они всё помнят японцам, но тут есть что! Если вокруг китайца построят свои церкви и кумирни все конфессии со всего мира, идолопоклонник-китаец поставит свечки всем богам и духам, потому что он знает, что ссориться ни с кем нельзя.

Китайцы заботливо относятся к памятникам нашим военным летчикам, погибшим в боях с японцами в 30-е годы; если кто не в курсе, наши бомбардировщики успешно уничтожили японскую военную базу на Формозе.

Формоза – это нынешний Тайвань.

Сохраняются могилы и памятники советским солдатам и офицерам, отдавшим жизни в войне против японцев в 1945 году. На главном военном памятнике в Харбине написано «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Союза Советских Социалистических Республик», и с ним точно никогда ничего не случится, потому что это не их памятник на их территории, а наш. А каких трудов стоило нашим соотечественникам восстановить кладбище русских моряков и солдат, защищавших в 1904-1905 годах Порт-Артур? Ограничения проходили по очень высокой планке – никаких государственных организаций и финансирования, только частные, слава богу, такие нашлись, но вы на это кладбище русским воинам попадите!

Есть еще одно знаковое место – туристический объект в пригороде Харбина, который называется «гостиница «Волжская усадьба». На довольно большой площади создан атмосферный парк. В нем в псевдорусском стиле построено с участием современных русских, в основном, дальневосточных архитекторов нечто похожее на дворец в московском Царицыне, кафе «Модерн», церковь Святителя Николая, копия подлинной церкви, символа старого Харбина на Соборной площади, которую в Культурную революцию «по бревнышку раскатали» хунвейбины. Все сделано очень симпатично, не без китайской красоты, конечно, но для глаза приятно. Даже «Музей водки», главного напитка русских «вместо материнского молока». Но это нормально, китайские шутки мы воспринимаем с самоиронией, про нас шутят – мы смеемся!.. Экспозиция начинается с древнейших времен, и все бы нормально, Петр I, действительно, уж пил так пил. Но лозунг «Без водки нет Победы», или «Водка и «Катюша» – защитник от захватчика» – и все про Великую Отечественную войну... Это вызывает неприятные эмоции, примерно, как образы русских в голливудском кино – злая карикатура. Казалось бы, одного

лозунга для «водочного меню» было бы достаточно, но вот вам Шолохов: «Никогда не переставай пить!» Он часто встречался с китайцами, получается, он это говорил им? Англичане привезли в Китай опиум, а Шолохов пытался спить?

Все это вызывает вопросы, но не к китайцам, с ними их китайский бог, а к нашим.

Думается, есть то, чего нельзя не замечать, невозможно выстраивать отношения то ли на поляне, то ли на болоте. Нельзя позволять относиться к себе и шутить над собой пренебрежительно».

Арсеньев, будто заглянув на сотню лет вперед, настаивал на том, что свои интересы в отношениях с Китаем Россия должна отстаивать методично, но спокойно, без масштабных войн, которых, слава богу, никогда и не было. А став союзником Китая на Тихом океане, предоставив для использования свой Северный морской путь, России проще достичь своих целей на Западе с меньшими затратами, а то и с выгодой. Навстречу Солнцу двигаться всегда приятней – если, конечно, это не палящий зной, идешь, будто с горы шагаешь, и сил только прибавляется.

Писатель, историк, китаист и ветеран спецслужб Евгений Анташкевич помогал автору в создании этого послесловия. В личной беседе он выразил мнение о том, что «от Запада нужно брать все необходимое, в том числе и для того, чтобы развиваться на Восток. Запад берет от нас многое, подглядывает, подслушивает, разными, совсем уж некрасивыми способами присваивает и использует наши идеи, – сказал Евгений Анташкевич. – Но и все, что мы освоили, с Востока ли, с Запада – уже наше. В начале XX века географические открытия становились на промышленные рельсы, конвертировались в реальные политические и экономические выгоды, причем этот процесс стал очень быстрым. В стороне от этих изменений не осталась ни одна из великих держав. И тогда, и сейчас мы не должны превращаться в камбалу, у которой два глаза на одной стороне, не должны смотреть лишь в одном направлении, считая, что Запад – это только прогресс, а Восток – дикость и упадок».

Помимо упомянутых исследователей, при создании повести были использованы труды биографов Арсеньева И. Егорычева и А. Тарасовой. Аспирантка МГУ им. Ломоносова Линь Гуаньцюн любезно перевела тезисы доклада профессора Сычуаньского университета Вань Пэнхуэя «Храм Дуньюэ на горе Тянь-Шань: жертвоприношение духам гор и рек в династии Цин и в начале периода Китайской Республики».

